

Священник Михаил Желтов*

ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА РУССКОЙ ЦЕРКВИ

В статье подробно описываются и тщательно анализируются исторические события, связанные с устройством церковной жизни в Киевской, Московской и Западной Руси на протяжении последнего тысячелетия. За этот период единство Русской Православной Церкви неоднократно оказывалось под ударами с разных сторон, но вопреки этому просуществовало значительно дольше, чем длились периоды его нарушения. В византийские времена именно Константинопольская Церковь отстаивала это единство вопреки возникавшим политическим конфликтам между теми или иными русскими княжествами. Оторвать митрополию всея Руси от Константинополя смогла лишь сама византийская элита, когда она сначала попыталась использовать русское Православие в качестве разменной монеты в отчаянной попытке заставить Запад прийти на помощь гбнущему Константинополю, а затем позволила униатскому митрополиту узурпировать титул первоиерарха «всея Руси». Восстановление полноценного церковного общения между Москвой и Константинополем

*Автор — кандидат богословия, доцент Московской духовной академии, Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, член Синодальной библейско-богословской комиссии, Синодальной богослужебной комиссии и Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви.

не могло не поставить вопроса о том, кто в действительности имеет право на титул первоиерарха «всех Руси», а объективный ход истории дал на этот вопрос исчерпывающий ответ, закрепленный в целом ряде церковно-канонических документов, приведенных автором, для пересмотра которых нет никаких законных оснований.

Ключевые слова: автокефалия, единство Церкви, Константинопольский Патриархат, Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Киевская митрополия, Московское княжество, Византийская империя, уния.

Принадлежность православных епархий, входящих в состав Московского Патриархата, к единой церковной организации покоится на следующих фундаментальных историко-канонических основаниях: во-первых, факте исторического единства Церкви *всех* Руси, которое отстаивалось Константинопольской Церковью на протяжении многих веков; во-вторых, положениях ряда церковно-канонических документов; в-третьих, факте рецепции (полностью и бесспорно завершившейся уже к XVIII в.) событий, произошедших в XV–XVII вв. в Русской Церкви, со стороны всех Поместных Православных Церквей, включая Константинопольскую.

I. Факт исторического единства Церкви «всех Руси»

I.1. Византийский период

С самого начала своего существования церковная организация различных земель исторической Руси: Юга (Киев, Чернигов, Переяславль-Русский¹), Юго-Запада (Владимир-Волынский, Галич и др.), Запада (Полоцк, Туров, Смоленск), Востока (Рязань, Муром), Северо-Запада (Новгород, Псков) и Северо-Востока (Ростов, Суздаль, позднее Владимир-на-Клязьме²), была единой и возглавлялась митрополитом в Киеве, первоначально носившим титул τῆς Ῥωσίας, «Руси», без прибавления наименования

какого-либо города³. Впрочем, в середине XI в. имела место попытка то ли наделить еще и Переяславского и Черниговского епископов титулами митрополитов без действительных полномочий, то ли действительно разделить Русскую Церковь на три митрополии, но эта попытка была недолгой и не имела никаких заметных последствий⁴.

Первой реальной угрозой единству Церкви Руси стало поставление Климасмолятича в 1147 г. Политическая ситуация на Руси к середине XII века была тяжелой: после смерти Владимира Мономаха русские земли вошли в полосу раздоров и к середине столетия распались примерно на полтора десятка княжеств, частично находившихся в сложных, порой крайне враждебных, отношениях, что привело к серии кровопролитных междоусобных войн. В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич организовал в Киеве поставление митрополита Климасмолятича без согласования с Константинопольским патриархом⁵. Этот шаг был поддержан епископами Черниговским, Белгородским, Юрьевским⁶, Переяславским, Владимиро-Волыньским, но отвергнут епископами Смоленским, Полоцким, Ростовским и Новгородским. Неучастие Константинопольской Патриархии в поставлении Климасмолятича фактически означало провозглашение Киевом церковной независимости если не *de iure*, то *de facto*, которое, однако, увлекло за собой не всю Русь, а преимущественно лишь ее южные епархии.

Реакция Константинопольской Патриархии на поставление Климасмолятича была демонстративно жесткой. Прибывший на Русь в 1156 г. из Константинополя митрополит свт. Константин I⁷ низложил всех ставленников Климасмолятича, подверг церковному проклятию поставившего его Изяслава и даже переосвятил собор Св. Софии в Киеве⁸.

В период продолжавшегося на Руси из-за поставления Климасмолятича противоборства один из его главных оппонентов, епископ Новгородский свт. Нифонт, вероятно, получил от Константинопольской Патриархии титул

архиепископа. Некоторые исследователи усматривали в этом согласие Патриархии на церковную независимость северной части Русской Церкви от вышедшей из-под контроля южной, что в корне неверно⁹.

Политика Константинополя в ближайшие годы полностью подтвердила нежелание Цареградского престола разделять Русскую Церковь по линиям, диктуемым текущей политической ситуацией. Так, патриарх Лука Хрисоверг ответил отказом на направленную ему в 1160-х гг. просьбу великого князя Андрея Боголюбского — сына Юрия Долгорукого — предоставить для Северо-Восточной Руси отдельного митрополита, сопроводив свой отказ в том числе угрозой прекращения священнодействий в храмах¹⁰. Более того, в ответе патриарха Луки в старый титул Киевских митрополитов, «Руси», была внесена инновация в виде слова «всея»¹¹, что должно было дополнительно подчеркнуть неделимость Русской Церкви¹². С того же времени титул «всея Руси» (τῆς πάσης Ῥωσίας) начинает фигурировать также и в печатях русских митрополитов¹³.

В 1169 г. митрополит Константин II, присланный на Русь Лукой Хрисовергом в 1167 г., поставил точку в проекте создания отдельной митрополии для Северо-Востока Руси, показательно осудив некоего Феодора, которого ранее св. Андрей Боголюбский планировал поставить во главе этой митрополии. Константин II даже не ограничился церковным наказанием Феодора, уничижительно переименованного в Феодорца, но и приказал нанести ему тяжелейшие телесные увечья¹⁴, что не находит никаких параллелей в предшествующей русской церковной истории.

Таким образом, именно Константинопольская Патриархия не только внесла главный вклад в становление идеи неделимости Русской Церкви в XII в., но и решительно отстояла ее вопреки всем государственно-политическим противоречиям, которые раздирали Северо-Восток, Юг и иные части Руси в ту эпоху, используя для этого самые различные меры, вплоть до крайне строгих.

В свете сказанного крайне важно отметить, что фактическое перемещение с середины XIII в. постоянной резиденции русских митрополитов из Киева в Северо-Восточную Русь — сначала во Владимир, а затем в Москву, — имевшее своей основной причиной разорение Юга Руси татарами-монголами, не только не встретило никаких возражений со стороны Константинополя, но и получило благословение патриарха и собора архиереев (см. ниже). Это доказывает, что Константинопольская Патриархия продолжала рассматривать митрополита τῆς [πάσης] Ῥωσίας в качестве главы неделимой Церкви всех русских земель, а не в качестве митрополита конкретно Киева.

Так, митрополит Кирилл III¹⁵, действовавший в этом качестве не позднее, чем с 1243 г., но только в 1246–1247 гг. утвержденный Константинопольским патриархом, пребывавшим в Никее из-за оккупации Константинополя крестоносцами, с 1250 г. переехал в «Суждальскую землю»¹⁶. Лишь ближе к концу жизни митрополит Кирилл провел заметное время в самом Киеве (1276–1280 гг.), но затем снова удалился во Владимиро-Суздальскую землю, где в 1281 г. скончался в г. Переяславле-Залесском. Останки митрополита Кирилла были перенесены сначала во Владимир, а затем в Киев, где и погребены.

Преемник митрополита Кирилла, свт. Максим, прибыл на Русь из Византии в 1283 г. и долго управлял Церковью преимущественно из Киева, однако в 1299–1300 гг. официально перенес свою резиденцию вместе со всем ее аппаратом во Владимир¹⁷, где и скончался и был погребен в 1305 г.

Во время посещения юго-западных земель Руси около 1301 г. свт. Максим, среди прочего, познакомился с игуменом Ратского монастыря¹⁸ Петром. В течение примерно двух лет после этой знаменательной, как позднее выяснится, встречи князь Галицко-Волынский Юрий Львович сумел добиться у императора Андроника II Палеолога и патриарха свт. Афанасия I одобрения на создание самостоятельной Галицкой митрополии в границах

своих владений¹⁹. Действующий епископ Галича был возведен в сан митрополита²⁰. В 1307 г. он умер, и Юрий Львович решил поставить во главе Галицкой митрополии Ратского игумена Петра, но вопреки его желанию Петр, уроженец Юго-Запада Руси, был поставлен в Константинополе не на Галич, а на Киев, в качестве главы единой митрополии всея Руси и преемника свт. Максима. Таким образом, недолгая самостоятельность Галицкой митрополии была упразднена теми же императором и патриархом, кто поначалу согласился ее предоставить и кто теперь, очевидно, осознали ошибочность своего решения²¹. Тем не менее, этот небольшой по своим географическим масштабам и продолжительности пример отступления Константинополя от собственной политики сохранения неделимости Русской митрополии позже сыграет свою роль в качестве исторического прецедента.

После поставления в Константинополе и прибытия на Русь в 1308 г., свт. Петр около года находился в Киеве. Но уже в 1309 г. он последовал примеру своих предшественников и переместил свою постоянную резиденцию во Владимир. В 1325 г. свт. Петр переселился в Москву²², где и умер 20 дек. 1326 г.²³ На время его правления единой Русской Церковью пришлось появление Литовской (Λιτβων/Λιτβάδων) митрополии Константинопольского Патриархата (где-то между 1315 и 1317 гг.), которая первоначально, вероятно, создавалась как церковная организация для обращаемых в Православие литовцев; вскоре после 1329 г. она прекратила свое существование²⁴.

Следующий митрополит τῆς Ῥωβίας, грек свт. Феогност, прибыл на Русь в 1328 г. и после краткого пребывания в Киеве и во Владимире, поселился в Москве. Таким образом, Константинопольская Патриархия в лице направленного ею самой представителя сознательно санкционировала перемещение центра управления единой русской митрополией в Москву, при сохранении за ним титула «Киевский».

В эпоху свт. Феогноста возобновились попытки галичан устроить собственную митрополию, независимую от остальной Руси. Около 1331 г. Константинопольский патриарх Исаия даровал Галицкому епископу Феодору, рукоположенному свт. Феогностом в 1328 г.²⁵, титул митрополита²⁶ — это следует из упоминания «митрополита Галицкого» среди участников соборного заседания в апреле 1331 г.²⁷ Однако вскоре патриарх Исаия отменил свое решение²⁸ — это видно из того, что следующий патриарх, Иоанн XIV Калека, между 1342 и 1346 гг. вновь возвел того же Галицкого архиерея в сан митрополита и издал соборный акт о подчинении ему тех же епархий, что и тридцатью годами ранее²⁹. Патриарх Иоанн Калека, вошедший в историю как гонитель свт. Григория Паламы, совершил указанное деяние по просьбе утвердившегося на Волыни князя Любарта-Дмитрия, сына литовского великого князя Гедимина, не советуясь с императором Иоанном V Палеологом по причине малолетства последнего. Но в 1346 г. к власти пришел Иоанн VI Кантакузин, объявленный соправителем Иоанна V, который был почитателем и сторонником свт. Григория Паламы и его учения. В 1347 г. патриарх Иоанн Калека был низложен, а его деяния — последовательно аннулированы. В частности, в августе 1347 г. был издан императорский хрисовул, отменяющий создание отдельной митрополии для «страны Малой России, называемой Волынью», за которым в сентябре того же года последовал акт собора архиереев во главе с патриархом Исидором I. Хрисовул и соборное деяние сопровождались несколькими грамотами (официальными письмами) императора и патриарха князьям и митрополитам (подробнее см. ниже). Согласно этим документам, абсолютно все епархии различных русских земель, независимо от их государственной принадлежности, подчинены митрополиту всея Руси Феогносту.

Следующая попытка вывести часть Русской Церкви из-под власти законного митрополита, тесно связанная с

интригами различных светских правителей того времени, произошла в 1352 г., когда некий Феодорит был рукоположен Тырновским патриархом с титулом митрополита Руси и вскоре обосновался в Киеве. Это деяние было категорически осуждено Константинопольской Церковью⁵⁰. Однако Феодорит еще несколько лет предпринимал попытки создать самостоятельную митрополию с центром в Киеве, игнорируя факт своего низложения Константинопольским патриархом. Тем временем, свт. Феогност преставился в 1353 г. и был погребен в Успенском соборе Москвы рядом со свт. Петром, а в Константинополь направился епископ Владимирский Алексей, возведенный на свою кафедру свт. Феогностом незадолго до его кончины.

Свт. Алексей родился в Москве в боярской семье из Чернигова, покинувшей родные места по причине разорения их татарами, и был избран свт. Феогностом себе в преемники, о чем говорят как составленное свт. Феогностом при жизни письменное прошение в Константинополь (оно было полностью поддержано великим князем, епископатом, боярами и народом), так и сам факт наделения свт. Алексея титулом «Владимирский», который еще со времен свт. Максима усваивался только митрополитам всея Руси⁵¹. В 1354 г. патриарх Константинопольский свт. Филофей вместе со своим собором, рассмотрев просьбу свт. Феогноста, великого князя и прочих, удовлетворил ее, утвердив свт. Алексея в сане митрополита *Κυβέβου καὶ πάσης τῆς Ῥωσίας*, о чем 30 июня 1354 г. было издано соборное деяние⁵². Это деяние было дополнено патриаршими письмами епископу Новгородскому Моисею от 2 и 7 июля, в которых содержатся запрет признавать Феодорита митрополитом (как и вообще священнослужителем) и предписания слушаться законного митрополита Алексея и обращаться за судом к нему, а не напрямую к патриарху⁵³. В те же дни была составлена и соборная грамота Константинопольского патриарха и находящихся при нем епископов, согласно которой место преимущественного

пробытия митрополита *Κυβέβου καὶ πάσης τῆς Ῥωσίας* перемещается во Владимир «безвозвратно и на веки вечные неотъемлемо» (*ἀναφαιρέτως καὶ ἀναποσπλάστως εἰς αἰῶνα τὸν ἄπαντα*)⁵⁴. Фактически, речь шла о перемещении кафедры в Москву, поскольку к тому времени митрополиты Руси проживали в Москве уже около 30 лет; Владимир упоминается в грамоте только потому, что он формально оставался центром великого княжения.

На этом закончилась история с самочинной «киевской автокефалией» Феодорита и было соборно подтверждено состоявшееся перемещение центра митрополии *πάσης τῆς Ῥωσίας* на Северо-Восток Руси. Однако уже в том же году единство митрополии было поставлено под новый удар из-за возобновления Литовской митрополии, по просьбе литовского великого князя Ольгерда. Решение Константинопольской патриархии возобновить эту митрополию и рукоположить митрополита Литовского было потенциально конфликтным, поскольку в условиях изменившихся политических реалий — а именно, существенного расширения территории Великого княжества Литовского — новый митрополит мог пытаться распространить свою юрисдикцию на епархии, ранее не имевшие никакого отношения к Литовской митрополии и исторически принадлежавшие к митрополии всея Руси. В этих условиях, однако, константинопольские церковные власти не предприняли ничего для разграничения полномочий двух митрополий и не выделили какие-либо епархии из состава Русской митрополии в пользу Литовской (в отличие от того, как это было ранее сделано в случае с Галицкой митрополией). В результате рукоположенный свт. Филофеем митрополит Роман практически немедленно начал претендовать на управление не только епархиями на территории Литвы, но всей вообще Русской Церковью, что закономерно привело к целому ряду конфликтов. Не вполне ясно, чем следует объяснять принятое в Константинополе решение о поставлении Романа — только лишь

непоследовательностью либо стесненными материальными обстоятельствами Патриархии (на что прямо намекают русские летописи), или же, что вероятнее, ее недостаточно адекватной реакцией на происходившее на глазах изменение политических реалий. Из-за территориальной экспансии Великого княжества Литовского в его состав к 1354 г. уже вошли несколько бывших западных русских княжеств, а вскоре войдут как практически вся территория русского Юга — и в том числе, Киев, — так и многие центральные русские княжества, поэтому неудивительно, что возродить митрополию, некогда созданную для новопросвещенных литовцев (см. выше), без ущерба для Русской митрополии оказалось невозможным.

Как бы то ни было, само желание митрополита Романа предъявить претензии на всю территорию Руси свидетельствует о том, что восприятие митрополии *πάσης τῆς Ῥωσίας* как единой и неделимой продолжало сохраняться. Со смертью Романа в 1362 г. конфликт начал стихать, а еще позднее и сам свт. Филофей пересмотрел свое решение о поставлении Романа, о чем свидетельствуют патриарший сигиллий об упразднении Литовской митрополии и послания свт. Филофея лично свт. Алексию и князьям различных русских областей о необходимости признавать в качестве главы Русской Церкви только митрополита *Κυβερου καὶ πάσης τῆς Ῥωσίας*, то есть свт. Алексия, датируемые 1370 г.³⁵

В следующем году в Константинополе рассматривалось требование польского короля Казимира III о предоставлении для Галича и других территорий, вошедших в состав Польши, своего собственного митрополита. Казимир ссылаясь на уже имевшийся прецедент существования Галицкой митрополии, созданной свт. Афанасием I (хотя сам же свт. Афанасий эту митрополию и упразднил: см. выше), и аргументировал свою просьбу тем, что свт. Алексий не уделяет православным епархиям в составе его государства должного пастырского внимания (хотя в действительности это сами польские власти создавали

препятствия для соответствующей деятельности). Кроме того, в обращении Казимира содержалась прямая угроза обратить православное население Польши в католичество в случае непредоставления ему своего митрополита³⁶. Патриарх поддался на угрозу и удовлетворил требование польского короля³⁷, уже в третий раз отделив от Русской Церкви Галицкую, Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимиро-волынскую епархии и провозгласив одного из епископов этих епархий Антония митрополитом Галицким. Это было оформлено в мае 1371 г. в форме соборного деяния³⁸, с отправкой свт. Алексию соответствующего послания³⁹.

Последние годы управления Русской Церковью свт. Алексием омрачились сложными интригами против него, деятельное участие в которых принимал высокообразованный болгарин по имени Киприан, в декабре 1375 г. рукоположенный в Константинополе в сан митрополита Киевского и Литовского (при том что титул «Киевский» продолжал одновременно сохраняться и за митрополитом всея Руси свт. Алексием) и направленный в 1376 г. на Русь с правами рассмотреть обвинения против свт. Алексия, выдвинутые его врагами, и возглавить всю Русскую Церковь в случае необходимости. Предполагаемый суд, впрочем, не состоялся, и до кончины свт. Алексия в феврале 1378 г. свт. Киприан пребывал в Киеве. Последующее десятилетие, по словам митрополита Макария (Булгакова), «можно назвать самым смутным временем в истории нашей митрополии»⁴⁰. Завершением этого смутного времени можно считать объединение под началом свт. Киприана русских епархий — сначала без учета тех, что вошли в Галицкую митрополию⁴¹, а потом и с ними⁴². Это объединение было ознаменовано приездом свт. Киприана в 1390 г. в Киев и затем в Москву, откуда он и продолжал править Русской Церковью вплоть до своей смерти в 1406 г.

Преемник свт. Киприана, грек свт. Фотий, был рукоположен в Константинополе в 1408 г., с правом управ-

ления всей Русской Церковью, за исключением Галицкой митрополии (в которой на тот момент оставалось только две епархии из пяти). В 1410 г. свт. Фотий достиг Москвы, рассматривая ее в качестве основного места своего пребывания. Это не понравилось великому князю литовскому Витовту, который и до рукоположения свт. Фотия пытался получить для Литвы собственного митрополита. В 1414 г. Витовт подал в Константинополь жалобу на свт. Фотия и потребовал поставить для Литвы митрополитом родного племянника свт. Киприана по имени Григорий Цамблак. Получив отказ, Витовт организовал собор епископов, находившихся на подвластной ему территории, и они в 1416 г. рукоположили Григория в митрополиты. Константинопольская Патриархия отреагировала на появление самозванной автокефалии жестко, низложив и анафематствовав Григория, о чем свидетельствуют послание Константинопольского патриарха Иосифа II свт. Фотию⁴³ и отправленные одновременно с ним императором Мануилом II Палеологом послания свт. Фотию и московскому великому князю Василию I Дмитриевичу⁴⁴. После кончины Григория зимой 1419–1420 гг. свт. Фотию удалось примириться с Витовтом; итогом стало полное воссоединение всей Русской Церкви, не исключая и Галича⁴⁵, под началом свт. Фотия. Вплоть до его кончины в 1431 г. единство митрополии *всая Руси* более ничем не нарушалось.

Константинополь к этому времени, в отличие от постепенно набиравшей силы Москвы, находился на пороге катастрофы. Уже к концу XIV века османы завоевали почти всю территорию бывшей Византии, а к 1430 г. в руках греков, помимо самого Константинополя, оставались лишь часть Пелопоннеса и некоторые земли у черноморского побережья. В 1453 г. Константинополь пал, чем и закончилась византийская эпоха. Этому предшествовали почти три десятилетия попыток предотвратить неизбежное, в ходе которых византийская элита пошла на заключение

унии с Римо-католической Церковью, что привело к фундаментальным потрясениям в том числе и в митрополии *всая Руси*, о чем пойдет речь ниже.

Византийский период: выводы. На протяжении всей византийской эпохи официальная позиция Константинопольской Патриархии неизменно сводилась к тому, что единство церковной организации во главе с митрополитом «Руси» (а с середины XII в. — «всая Руси») является безусловным благом и не должно ставиться под удар из-за меняющихся политических обстоятельств. Этот подход был неоднократно подтвержден на самом высшем уровне — патриархами, соборами, императорами. Более того, Константинопольская Церковь не сомневалась в том, что предстоятель Русской митрополии не привязан исключительно к Киеву, но является предстоятелем для всех русских земель, с чем связано как сделанное Константинополем в XII в. включение слова «всая» в титул митрополита, так и соборно утвержденное решение о перенесении постоянного местопребывания митрополита, в видах пастырской целесообразности, на Северо-Восток Руси «безвозвратно и на веки вечные неотъемлемо».

Каждая из попыток самовольного церковного обособления Киева от других русских земель и от Константинополя (Клим Смолятич, Феодорит, Григорий Цамблак⁴⁶) неизменно наталкивалась со стороны Константинопольской Патриархии на предельно жесткий ответ: дерзнувшие на это извергались из священного сана и анафематствовались.

Несколько сложнее случай с Литовской митрополией как таковой. Первоначально она создавалась не для Руси, но с течением времени правителями Литовского государства и самими ее митрополитами она стала восприниматься как альтернативная русская митрополия, поскольку в ходе территориальной экспансии Великое княжество Литовское стало состоять преимущественно из бывших русских земель. Несколько раз Константинопольская

Патриархия шла навстречу литовским (а не московским) князьям и ставила митрополита из предложенных ими кандидатов. Впрочем, для Константинополя поставление митрополитами кандидатов по желанию литовских (а не московских) князей отнюдь не означало согласия на разрушение единства Русской Церкви. Напротив, митрополиты из этого ряда — Роман, свт. Киприан, возможно, Герасим (см. ниже), — всякий раз пытались распространить свою власть в том числе и на северо-восточные княжества, что говорит о сохранявшемся понимании митрополии Руси как единого и неделимого церковного организма. Таким образом, в случае с Литовской митрополией Константинополь пытался лавировать между центрами двух крупнейших государственных образований на бывшей территории домонгольской Руси, но отнюдь не желал отказываться от самой идеи единства Русской Церкви.

Лишь в отношении Галицкой митрополии Константинополь пошел на действительное отделение части епархий от единой Церкви всея Руси, причем даже трижды (один из этих случаев оправдывается неприкрытым шантажом со стороны польских властей). Однако, в каждом из этих случаев большинство епархий Галицкой митрополии успевали обособиться от остальной Русской Церкви лишь на непродолжительный срок, а к концу византийской эпохи вся эта митрополия *de facto* целиком вернулась в состав единой митрополии *всея Руси*.

1.2. События 1430-х — 1460-х годов

Идея заключить унию с Римом ради получения поддержки на Западе не была новой для политической элиты поздней Византии. Первую такую попытку предпринял еще император Михаил VIII Палеолог, от лица которого в 1274 г. византийская делегация заключила с католической Церковью унию на Втором Лионском соборе, что гарантировало Михаилу признание его императорского титула на Западе и позволило отсрочить нападение на

Константинополь флота Карла Анжуйского (в итоге оно вообще не состоялось)⁴⁷. Эта уния существовала, по сути, только на бумаге и была формально отменена сыном Михаила Андроником II. Следующую попытку использовать проблему разделения Церковью ради спасения Константинополя предпринял правнук Андроника II император Иоанн V Палеолог, который в августе 1369 г. прибыл в Рим, а в октябре того же года сначала при свидетелях прочел латинское исповедание веры, а позднее принародно трижды поклонился папе в землю и поцеловал его в туфлю, в колено и в щеку, после чего принял участие в папской мессе⁴⁸. Впрочем, на этот раз в процессе никак не было представлено православное духовенство⁴⁹.

Неоднократно искал поддержки на Западе сын Иоанна V, Мануил II, занявший византийский престол в 1391 г. В 1422 г., за три года до кончины, он направил посольство в Рим с предложением вступить в переговоры о новой унии. Его сын, Иоанн VIII, правивший с 1425 по 1448 г., отправил еще два таких посольства, в 1426 и 1430 гг., но только с восшествием на папскую кафедру папы Евгения IV в 1431 г. из Рима пришло согласие начать такие переговоры.

Обстоятельства сложились так, что для Западу к этому времени, помимо заключения всеобъемлющей унии с христианским Востоком как таковым, большой интерес стала представлять локальная уния с православными жителями Польского королевства и Великого княжества Литовского, чему предшествовал начатый еще в 1396 г. переговорный процесс с участием ряда католических правителей и иерархов, отчасти спровоцированный сложной политической ситуацией во взаимоотношениях двух упомянутых государств и Тевтонского ордена⁵⁰. Одним из эпизодов этого процесса стало участие в Констанцском соборе католической Церкви (1414–1418 гг.) нелегитимного митрополита Киевского Григория Цамблака, низложенного Константинополем — но затем, по всей видимости,

признанного задним числом, — которого направил туда, несомненно, великий князь литовский Витовт, но который действовал на соборе уже от имени императора и патриарха⁵¹. Как следствие, роль митрополита всея Руси в заключении будущей унии становилась одной из ключевых не только в силу размеров этой митрополии, многократно превосходившей все прочие митрополии Константинопольского Патриархата, но и в силу внутри-католических причин.

Неизвестно, осознавали ли это в Москве — городе, где уже около столетия находилась резиденция митрополитов всея Руси. После смерти свт. Фотия Русскую Церковь *de facto* возглавил епископ Рязанский и Муромский Иона, избранный великим князем и собором епископов и получивший титул «нареченным в святейшую митрополию Русскую». Вовремя выехать в Константинополь для официального поставления свт. Ионе не позволили происходившие в Москве княжеские междоусобия, начавшиеся со смертью в 1430 г. Витовта, приходившегося юному московскому князю Василию II дедом по матери, и усугубившиеся после смерти свт. Фотия⁵². В результате в 1433 г. бывший великий литовский князь Свидригайло, свергнутый в 1432 г., но упорно боровшийся за власть, добился у Константинополя, чтобы митрополитом всея Руси был поставлен его кандидат, Смоленский епископ Герасим, уроженец Москвы, обосновавшийся на Волыни и участвовавший в поставлении Григория Цамблака. Добившись признания Константинополем своего кандидата на митрополию всея Руси, Свидригайло немедленно попытался вовлечь митрополита Герасима в переговоры об унии⁵³, о чем в Москве, возможно, даже не догадывались. Митрополиту Герасиму так и не удалось посетить Москву — сразу после поставления он не смог прибыть туда из-за продолжавшегося междукняжеского противостояния, а уже в 1435 г. он был заживо сожжен Свидригайлом по подозрению в участии в политической борьбе на

стороне действующего великого литовского князя Сигизмунда. Получив известие о кончине Герасима, епископ Иона отправился в Константинополь для возведения в сан митрополита, но, достигнув города, узнал, что патриарх Иосиф II уже направил на Русь своего ставленника, образованного грека Исидора. Свт. Иона был вынужден вернуться на Русь без сана митрополита, получив, однако, у патриарха обещание получить этот сан, если с Исидором что-либо случится.

Исидор был еще менее случайной фигурой в контексте униональных планов византийской элиты, чем Герасим. В 1434 г. он принял участие в Базельском соборе католической Церкви, где в качестве официального представителя византийского императора был представлен председателю собора кардиналу Юлиану Чезарини и провел переговоры об условиях участия византийской делегации в предстоящем объединительном соборе⁵⁴. Император добился для Исидора права представлять патриарха Антиохийского на предстоящем соборе. Назначив Исидора на кафедру всея Руси, Константинополь еще более усиливал его переговорные позиции, гарантировал — как ему ошибочно казалось — вовлечение в унию русских земель и заодно брал под свой контроль польско-литовскую политику в этой области.

Исидор кратко побывал в Киеве и затем прибыл в Москву в мае 1437 г. В Москве нежеланный митрополит был, тем не менее, принят «с честью», но уже в августе того же года он отправился в Феррару для участия в соборе об объединении католической и православной Церквей. После осуществления унии 18 декабря 1439 года Исидор был возведен папой Римским Евгением IV в сан кардинала Римской Церкви с титулом Санти-Марчеллино-э-Пьетро и присвоением звания легата для провинций Литвы, Ливонии⁵⁵ и всея Руси, и уже в этом новом качестве вновь вернулся в Москву в 1441 г. вместе со всей своей свитой⁵⁶. Здесь он отслужил литургию с поминовением папы и об-

народовал документ о заключении унии. Великий князь Василий II, потрясенный случившейся с Исидором переменой, отказался принять его благословение; спустя три дня кардинал Исидор был арестован и заключен в Чудов монастырь, затем осужден собором русских епископов, а впоследствии покинул Москву бегством⁵⁷.

Вскоре после этого великий князь Василий II обратился с посланием к императору с просьбой предоставить возможность избрать и поставить Русского митрополита в Москве. Это послание было отправлено, но не достигло Константинополя, а было отозвано великим князем, так как по пути послы получили информацию о том, что в унию отпали не только Исидор, но и император с патриархом⁵⁸ (в момент отправки послания достоверных сведений на этот счет в Москве не было), что лишало просьбу всякого смысла. Одновременное отпадение в унию императора Иоанна VIII Палеолога, патриарха Митрофана II⁵⁹ и митрополита всея Руси Исидора создало беспрецедентный церковно-правовой вакуум в Русской Церкви.

В 1443 г. были составлены новые аналогичные послания к императору и патриарху — очевидно, в надежде на отказ византийцев от унии или приход к власти православных, — но они не были даже отправлены по указанной выше причине. Наконец, выждав более 7 лет и не имея более возможности терпеть дальнейшее существование в условиях церковно-правового вакуума, великий князь решился одобрить поставление свт. Ионы в митрополиты в самой Москве (что и произошло 5 декабря 1448 г.) — тем более, что тому уже давно было обещано Иосифом II, последним формально православным Константинопольским патриархом, что именно свт. Ионе предстоит стать митрополитом, если с Исидором что-либо случится.

В 1449 г. в Москве стало известно о воцарении в Константинополе нового императора, Константина XI Палеолога, который приходился родным братом Иоанну VIII Палеологу. В отличие от Иоанна VIII, который был

последовательным сторонником унии, Константин XI не занимал столь однозначную позицию. Он не настаивал на исполнении принятых на Ферраро-Флорентийском соборе решений и вообще пытался погасить то возмущение, какое уния вызвала у основной массы населения. Услышав об этом, московский великий князь Василий II приказал составить еще одно послание, теперь уже в адрес Константина XI, с просьбой признать поставление митрополита свт. Ионы свершившимся фактом и с вопрошанием о том, не появился ли в Константинополе легитимный православный патриарх. Неизвестно, было ли это послание отправлено⁶⁰. Гораздо более важное значение имели начавшиеся в том же 1449 г. переговоры о признании свт. Ионы в качестве митрополита всея Руси не только в Москве, но и в Литве. К 1451 г. эти переговоры увенчались успехом, и польско-литовский король Казимир IV выдал свт. Ионе грамоту на управление всеми литовскими епархиями⁶¹. Таким образом, единство Русской Церкви, защищенное государственными гарантиями нескольких стран, продолжало сохраняться.

В 1453 г. Константинополь пал под ударами войск султана Мехмеда II; император Константин XI погиб; патриарх-униат Григорий III был фактически изгнан из города еще в 1450 г. Осенью 1453 г. султан Мехмед II утвердил назначение патриархом Константинопольским Геннадия Схолария, который после Ферраро-Флорентийского собора вошел в число противников унии. В 1454 г. на Русь прибыл посланный патриархом Геннадием представитель Патриархии по имени Димитрий. Он побывал, в том числе, во Пскове и Новгороде и, по всей видимости, передал в Москву некое патриаршее послание, в ответ на которое свт. Иона направил патриарху свое собственное, а также разослал в русские епархии окружное послание, позволявшее Димитрию осуществить на Руси сбор средств по просьбе патриарха Геннадия⁶². Таким образом, поставление свт. Ионы было

признано Константинополем, как минимум, *de facto*, а церковные связи — возобновлены.

Но вскоре в дело вмешался бывший митрополит всея Руси, а затем кардинал и папский легат Исидор, убедивший папу Римского Каллиста III попытаться оторвать от Русской Церкви ее западную часть. Не позднее 1458 г. папа принял решение «передать» все православные епархии в пределах владений польско-литовского короля Казимира IV под управление рукоположенного в Риме униатского митрополита, с сохранением за Исидором формального титула папского легата для остальных епархий Русской Церкви. В качестве кандидата в униатские митрополиты «Киевские, Литовские и всея Руси» Исидор предложил своего ближайшего помощника, Григория Болгарина, который еще в 1439 г. побывал в Москве в качестве протодиакона при Исидоре, а теперь имел сан аббата. Уже при новом папе, Пие II, будущий униатский митрополит Григорий был 15 октября 1458 г. рукоположен латинским титулярным патриархом Константинополя Григорием III (тем самым, который был изгнан из города в 1450 г.), но прежде его отправки в Литву папа Пий II решил распространить претензии Римской Церкви также и на Московскую Русь. По указанию папы Исидор формально отказался в пользу Григория Болгарина от «сохранявшихся» за ним частей митрополии всея Руси, и в январе 1459 г. Григорий направился к Казимиру IV в сопровождении представителя папы, который вез королю папское послание. Оно содержало проклятия в адрес свт. Ионы и требовало от короля отказаться от признания власти свт. Ионы над православными епархиями на территории Литвы и Польши в пользу Григория, а затем добиться того же и от русского правительства — уже на территории Московского великого княжества⁶⁵.

Король послушно исполнил требования папы Пия II. Вопреки собственным обещаниям от 1451 г., он принудил православных епископов Литвы и Польши⁶⁴ к подчинению

присланному из Рима католическому иерарху «всея Руси» Григорию⁶⁵, а также обратился к Василию II с письмом, в котором предлагал сместить свт. Иону по причине пожилого возраста и принять Григория в Москве в качестве митрополита⁶⁶. В Москве факт грубейшего вмешательства Римо-католической Церкви в дела православной Русской Церкви был, разумеется, воспринят с крайним возмущением⁶⁷. В 1459 г. собором епископов Северо-Востока Руси было принято решение о верности свт. Ионе и о категорическом отказе признавать «отступника православных христианскихъ вѣры, Исидорова ученика Григорія... на церковь Божью развратника, пришедшаго отъ Рима... отлученаго отъ святыхъ зборныхъ церкви, иже именуеть себя митрополитомъ Киевскимъ»⁶⁸.

Вопреки ожиданиям творцов унии, православное население Литвы реагировало на насильственное подчинение папскому легату весьма болезненно, что в конце концов вынудило Григория Болгарина искать себе признания в Константинополе. В 1465 г. он направил к Константинопольскому патриарху Симеону своего посла, но патриарх его не принял. Однако следующий патриарх, свт. Дионисий I, в 1467 г. согласился принять Григория Болгарина в церковное общение, признал его статус митрополита всея Руси и 14 февраля того же года направил в Москву свою грамоту⁶⁹. В этой грамоте патриарх утверждал, что Константинопольская Патриархия якобы не признала свт. Иону законным предстоятелем Церкви всея Руси (никак не объясняя при этом фактическое признание свт. Ионы со стороны патриарха Геннадия Схолария) и не признает его преемников, и требовал передать управление над Церковью всея Руси именно Григорию⁷⁰.

С одной стороны, деяние патриарха Дионисия имело положительную сторону: целая церковная организация в лице ее первоиерарха и подчинившихся ему архиереев оставляла латинство и переходила в Православие⁷¹. Но с другой, это же деяние задним числом легитимировало

папское вмешательство в дела Русской Церкви. Требование подчиниться ставленнику Рима, «Сидорову ученику» Григорию, в Москве было признано неприемлемым⁷², так что послание патриарха Дионисия не только не помогло восстановить контроль Константинопольской Патриархии над исторической Русской митрополией, но, наоборот, Патриархия своими собственными руками надолго оттолкнула ее от себя⁷³. Так на территории митрополии всея Руси образовались две независимые иерархии — одна, во главе с митрополитом Владимирским, Московским и всея Руси, восходила к митрополии *πάσης τῆς Ῥωσίας* в составе Константинопольской Церкви византийской эпохи; другая, во главе с митрополитом Киевским, Галицким и (!) всея Руси, первоначально представляла собой униатский папский проект, но затем была принята Константинополем в церковное общение.

При всем этом важно отметить, что отвергнутая русским правительством грамота патриарха Дионисия содержала все ту же старую византийскую идею о сохранении единства Русской Церкви безотносительно текущей политической ситуации: «А имели бы есте одну Церков а одного митрополита, а про тож ся есте приложили к нему в едность, аж бы была одна Церков, а в ней один пастыр... Про тож годность, только бы тот один был митрополит истинный правый на всей Русской земли подлуг старого обычая и звычая русского. Не подобно бо есть, абы старый обычай и звычай изламан был старый». Из текста грамоты свт. Дионисия ясно следует, что Константинопольская Церковь не предполагала, что с принятием Григория Болгарина в церковное общение бывшая Русская митрополия будет разделена на Киевскую и Московскую части — наоборот, она продолжала настаивать на сохранении «старого обычая и звычая» в том, что касается единства и неделимости митрополии всея Руси. Подчинение Русской Церкви Григорию Болгарину в грамоте аргументировалось якобы нелегитимностью

митрополитов в Москве: «...тых всих великая зборная наша святая церков не имает, а ни дръжит, а ни именует за митрополитов», но отсюда неминуемо следует вывод, что с признанием статуса Московского митрополита (или патриарха) именно он и должен был бы восприниматься Константинополем как «один... митрополит истинный правый на всей Русской земли».

Поэтому последовавшее в XVI веке бесспорное признание легитимности митрополитов Московских и всея Руси со стороны Константинопольского Патриархата имплицитно предполагало и признание их власти над Церковью *всей* Русской земли, а не только лишь над епархиями, находящимися на территории, политически контролируемой русским правительством.

События 1430-х — 1460-х годов: выводы. В результате одновременного отпадения в унию византийского императора, Константинопольского патриарха и присланного из Константинополя митрополита всея Руси Исидора, ставшего католическим кардиналом, в Русской Церкви образовался беспрецедентный церковно-канонический вакуум. После долгих лет ожидания во главе единой Русской Церкви был поставлен свт. Иона, еще до прибытия на Русь Исидора имевший титул «нареченного митрополита» и получивший обещание от патриарха Иосифа II — последнего предстоятеля Константинопольской Церкви до ее отпадения в унию, — что именно Иона возглавит Русскую Церковь, если с Исидором что-либо случится. Полномочия свт. Ионы распространялись на всю Русскую Церковь, не исключая ее южных и юго-западных областей, находившихся под властью польско-литовского короля, что было подтверждено в том числе королевской грамотой.

Однако когда по совету кардинала Исидора папский престол решил заявить о своих претензиях на всю Русскую Церковь и в Польшу был отправлен униатский митрополит Григорий, тот при поддержке государства сумел подчинить своей власти ряд православных архиереев.

Возникшая таким способом новая униатская иерархия «всея Руси» затем вышла из общения с Римом, но все равно была отвергнута Константинопольской Церковью в лице патриарха Симеона; позднее, впрочем, она была принята в общение патриархом Дионисием I.

Принятие этой иерархии в состав Константинопольского Патриархата не предполагало деления митрополии всея Руси на части — напротив, приняв Григория, патриарх требовал от всех без исключения епархий Русской Церкви подчиняться ему, а не митрополитам Московским, которые теперь были объявлены нелегитимными. Следовательно, признание Константинополем легитимности Московских митрополитов должно было предполагать и восстановление единства Русской Церкви под началом Москвы. Первое — признание — происходило постепенно в течение XVI века и (см. ниже) было окончательно оформлено в документах 1589–1593 гг. об учреждении на Руси патриаршества; для последующего достижения второго — восстановления единства Русской Церкви — также потребовалось еще около ста лет.

1.3. Восстановление единства Русской Церкви в течение XVII века

В результате отпадения в конце XVI века митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Михаила Рогозы и большинства епископов его митрополии в провозглашенную на Брестском соборе 1596 г. унию, образования Русской униатской Церкви, а затем реализации польским правительством различных мер по принудительному вовлечению православного населения Речи Посполитой в унию либо в латинский обряд, положение православной иерархии в бывших южных, юго-западных и западных русских землях сделалось крайне сложным. К началу XVII века у православной Киевской митрополии не было своего митрополита, а вся ее иерархия состояла из двух епископов — Львовского Гедеоны (Балабана) и Перемышльского

Михаила (Копыстенского), находившихся на нелегальном положении. После смерти Гедеоны (1607 г.) его преемнику Иеремии (Тиссаровскому) пришлось ехать за рукоположением в Молдавию, поскольку епископ Михаил не мог поставить его единолично. Мало того, ради признания со стороны польского правительства Иеремии пришлось даже принести присягу о принятии унии — вероятно, притворно, поскольку впоследствии он проявил себя как борец с униатством. Со смертью Михаила в 1610 (или 1612) г., епископ Иеремия остался единственным архиереем бывшей митрополии.

В 1620 г. иерархия этой митрополии была фактически создана заново патриархом Иерусалимским Феофаном III, прибывшим в Киев из Москвы. Он проинформировал патриарха Филарета об упадке церковной жизни в Киеве⁷⁴ и в обстановке секретности хиротонисал трех архиереев: Иова (Борецкого) — в митрополита Киевского, Галицкого и всей России, Мелетия (Смотрицкого) — во архиепископа Полоцкого, Исаию (Копинского) — во епископа Перемышльского. Далее были совершены хиротонии на еще четыре пустовавшие кафедры, тем самым, иерархия Киевской митрополии оказалась воссоздана. Однако в Москве отнюдь не спешили ее признавать, поскольку, несмотря на благосклонное отношение и вообще к восточным патриархам, сложившееся после учреждения в Москве патриаршества в 1589 г., и в особенности к Феофану, посещавшему Москву уже второй раз и принимавшему важное участие в поставлении Московского патриарха Филарета, отношение патриарха к Западнорусской митрополии (титуловавшей себя как Киевская и т. д.) было нетерпимым — как по причине претензий последних на «всю Русь», отраженных в их титуле, так и из-за униатских симпатий многих ее иерархов⁷⁵. Поэтому когда новопоставленный митрополит Иов (Борецкий) обратился в 1621 г. к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу с посланиями, то не получил на них никакого ответа, даже несмотря на

то, что он не только благоразумно опустил в своем титуле слова «и всей России», но и назвал патриарха Филарета «господином и пастырем своим».

Позднее отношения, впрочем, все же установились — с 1622–1623 гг. на неформальном уровне⁷⁶, а с 1624 г. — уже официально, причем в своих посланиях митрополит Иов вновь писал Московскому патриарху как «всесвятейшему и блаженнейшему господину и отцу, отцу отцем, господину отцу кир Филарету Никитичу, милостию Божиею патриарху Московскому и всея России, господину отцу и пастырю своему», «всея России владыке», называя себя самого его «благопослушным рабом и молитвенником присным»⁷⁷. В 1622 г. и епископ Исаия (Копинский), будущий митрополит Киевский и Галицкий (в 1631–1632 гг.), адресовал свое послание «Всесвятейшему и всеблаженнейшему кир Филарету, милостию Божиею преосвященному Патриарху Великой и Малой Росии и до последних великого океяну»⁷⁸. Таким образом, рукоположенные Феофаном III иерархи уже вполне осознавали, что едины с Церковью Русского государства, и признавали верховенство Московского патриарха.

Впрочем, для Москвы установление отношений еще не означало безоговорочного признания статуса Киевских и Галицких митрополитов, тем более что и для них самих такой статус не был гарантирован даже на территории Речи Посполитой. Только к 1632 г., желая обеспечить себе лояльность со стороны православного населения накануне новой войны с Россией, польское правительство официально признало право православных иметь собственную иерархию, подчиненную Константинополю (о Москве не могло быть и речи). Часть имущества бывших православных кафедр была возвращена, но взамен епископов, тайно рукоположенных Феофаном, пришлось избрать новых. С православной стороны ключевую роль в переговорах сыграл, благодаря своим дипломатическим талантам и аристократическим связям, архимандрит Петр (Могила), который и возглавил

Киевскую и Галицкую митрополию в 1633 г., оставаясь ее предстоятелем до своей кончины в Киеве в январе 1647 г. В следующем, 1648, году в Речи Посполитой вспыхнуло восстание Богдана Хмельницкого, запустившее сложнейшие исторические процессы⁷⁹. Для вопроса о статусе Киевской и Галицкой митрополии главным событием этих сложных процессов стало возрождение православной епархии в Чернигове (отнятом Речью Посполитой у России в Смутное время) в 1649 г. и последующий ее переход вместе с Киевской епархией под власть Москвы с 1654 г. Митрополитом Киевским и Галицким в этот момент был Сильвестр (Косов). В апреле 1657 г. он скончался; в январе 1658 г. следующим митрополитом был избран епископ Луцкий Дионисий (Балабан-Тукальский)⁸⁰. В феврале того же года епископ Дионисий привел к присяге русскому царю гетмана Ивана Выговского; русские официальные лица, принимавшие участие в церемонии, предложили Дионисию обратиться за утверждением в сане митрополита к патриарху Московскому Никону, однако избранный митрополит отказался и позднее получил такое утверждение от патриарха Константинопольского Парфения IV. Покинув Киев из-за военных действий, начатых изменившим присяге И. Выговским, Дионисий передал права на управление приходами Киевской епархии Черниговскому архиерею Лазарю (Барановичу) и до своей смерти в 1663 г. фактически не имел никакой власти в Киеве и на Левобережье. В 1658 г. Выговский при участии Дионисия заключил с поляками Гадячский договор, что вызвало недовольство среди казаков; казацкая рада выбрала гетманом сына Богдана Хмельницкого Юрия, который в октябре 1659 г. заключил с представителями Русского царства новый договор — Переяславские статьи, включавшие в том числе положение о подчинении Киевского митрополита Московскому патриарху на условиях автономии: «Митрополиту Киевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Росіи быть подъ благословеніемъ Святѣйшаго Патріарха Московскаго и всея Великія и Ма-

лыя и Бѣлыя Россіи, а въ права въ духовныя Святѣйшій Патріархъ вступати не будетъ»⁸¹.

В соответствии с этим положением и долгим отсутствием в Киеве митрополита Дионисия, в 1661 г. местоблюститель Московского патриаршего престола Питирим рукоположил Мефодия (Филимоновича) на пустующую Мстиславскую⁸² кафедру Киевской митрополии, с правами местоблюстителя всей митрополии. Узнав об этом, митрополит Дионисий рукоположил на ту же кафедру Иосифа (Нелюбовича-Тукальского)⁸³. В свою очередь, патриарх Никон, не признававший статус Питирима, в 1662 г. провозгласил анафему и ему, и рукоположенному им Мефодию. Ни в России, ни в Малороссии это деяние не было никем признано, но в том же году Константинопольская Патриархия, на тот момент полностью союзная Никону, также провозгласила Мефодию анафему. Тем не менее, последний, пользуясь поддержкой гетмана Ивана Брюховецкого, продолжил управлять Киевской епархией, хотя сведения о принятых против него канонических мерах стали известны многим клирикам и мирянам и вызвали серьезное смущение.

Тем временем, в Речи Посполитой после смерти Дионисия на Киевскую кафедру были одновременно избраны Иосиф (Нелюбович-Тукальский) и епископ Перемышльский Антоний (Винницкий)⁸⁴, и оба получили у короля привилеи на Киевскую кафедру. В результате у Киевской кафедры оказалось сразу два предстоятеля, которые находились далеко от Киева, и одновременно — два местоблюстителя, которые оставались на Левобережье (Лазарь (Баранович) и Мефодий (Филимонович)), и ни один не имел утверждения из Константинополя. Фактическая власть Антония распространялась на Волынь, Перемышльскую и Холмскую епархии, а Иосифа (за исключением периода 1663–1665 гг., когда польские власти арестовывали его) — на территории под управлением П. Дорошенко. В 1668 г., благодаря наметившемуся

сближению Дорошенко с Османской империей, Иосифу удалось получить признание Константинопольского патриарха Мефодия III⁸⁵. В том же году Антоний передал патриарху Московскому Иоасафу II сообщение о готовности перейти под его омофор (это предложение не было принято), а Мефодий был снят с кафедры⁸⁶. Разобравшись с Мефодием, Иосиф, впрочем, так и не отправился в Киев, поскольку его не желало признавать киевское духовенство, не принимавшее участие в его выборах. В результате управление приходами Киевской епархии опять оказалось в руках Лазаря (Барановича). После смерти Иосифа (1675 г.) Антоний в 1676 г. заявил на польском сейме о своих правах на Киевскую кафедру, однако польский король Ян Собеский решил передать эти права Львовскому епископу Иосифу (Шумлянскому)⁸⁷, который к тому времени тайно принял унию. Впрочем, в 1678 г. Антонию все же удалось добиться у польского правительства возвращения своих прав, но уже в 1679 г. он скончался.

Ко времени кончины Антония религиозная политика Речи Посполитой стала для православных жителей государства невыносимой: их принуждали к унии, собственность церквей и монастырей под разными предлогами изымалась, деятельности православного духовенства чинились всяческие препятствия. Еще в 1676 г. решением коронационного сейма Польско-Литовского государства не согласованные с правительством контакты с Константинопольской Патриархией были запрещены под страхом смертной казни и конфискации имущества, так что избрание Киевского митрополита с участием Константинополя сделалось невозможным. Этому были две причины: желание польских властей не оставить православным иных альтернатив, кроме перехода в унию, и конфликт Речи Посполитой с Османской империей (а Константинопольский патриарх рассматривался в качестве агента ее влияния). Киевская кафедра формально пустовала с 1679 г., к тому времени уже были вакантны

также Мстиславская и Полоцкая епархии. Сам город Киев не видел своих митрополитов с 1658 г. Львовский епископ Иосиф (Шумлянский) и нареченный Перемышльский Иннокентий (Винницкий) тайно присягнули унии и делали все для ее распространения среди православных. Единственным православным архиереем на всей территории Речи Посполитой оставался епископ Луцкий Геден (Святополк-Четвертинский), но и ему пришлось в конце концов бежать в 1684 г. на Левобережную Украину. Вся эта ситуация требовала вмешательства — как ради защиты свободы вероисповедания православных жителей Речи Посполитой, так и ради организации нормальной церковной жизни в Киеве и на Левобережье, окончательно вошедших в состав Русского царства.

Россия вмешиваться не торопилась, но это не означает, что она ожидала решения судьбы Западнорусской митрополии из Константинополя. Напротив, позиция русского правительства не отличалась от его же позиции двухвековой давности о единстве Русской митрополии, что ясно выражено в письме патриарха Московского Иоакима гетману Ивану Самойловичу от сентября 1685 г.: «Из начала в Россіи вкоренившыяся святыя благочестивыя вѣры Россійская митрополія была едина, и повсюду Россіяне были в повиновеніи и послушаніи всероссійскому престолу»⁸⁸. Более того, теперь это единство основывалось не только на исторических фактах, но и на решении собора восточных патриархов (т. е. на документах об учреждении в Москве патриаршества): «Егда соборомъ святѣйшихъ восточныхъ Церкве патріарховъ и многихъ архіереевъ устроися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, при благочестивыхъ православныхъ царѣхъ патріаршескій престоль, повелѣша вси соборнѣ всѣхъ Россійскихъ престоловъ архіереемъ, в сѣверной странѣ, повиноватися патріаршу престолу Московскому и писатися патріарху титулоу сице: патріархъ Московскій и всея Россіи и сѣверныхъ странъ»⁸⁹, а также на осмыслении решения Переяславской

рады 1654 г. как акта воссоединения двух разных частей некогда единого народа. В послании патриарху Константинопольскому Иакову от ноября того же года патриарх Иоаким прибавлял к упомянутым аргументам (об историческом единстве Русской митрополии и о признании восточными патриархами юрисдикции Москвы над всеми русскими епархиями северных стран) еще и тот, что в старину именно Московские митрополиты имели титул «Киевских и всея России»⁹⁰.

Медлительность Москвы в вопросе замещения пустовавшей Киевской кафедры, несмотря на факт принадлежности Киева и всего Левобережья России, скрепленный договором еще 1667 г., следует объяснять отнюдь не неуверенностью в правах на юрисдикцию Московского Патриархата над украинскими епархиями. К 1685 г. церковная жизнь на Левобережной Украине уже и так *de facto* зависела от Москвы. Местоблюститель Киевской кафедры Мефодий был направлен в Киев из Москвы еще в 1661 г.; другой местоблюститель — епископ Черниговский Лазарь (Баранович) — занимал однозначно промосковскую позицию (и был возведен в сан архиепископа на Московском соборе 1666–1667 гг.); в 1684 г. в Москве в сане архимандрита Киево-Печерской лавры был утвержден еще один ключевой церковный деятель той эпохи — Варлаам (Ясинский); и т. д. Русское правительство искало решение совсем другой задачи: как обеспечить права и религиозную свободу православных жителей Речи Посполитой. Киевский митрополит, поставленный в Москве, с большой вероятностью мог быть не признан польскими властями; прямые церковные сношения с Константинополем в Речи Посполитой находились под запретом. В ходе долгих переговоров с участием различных сторон⁹¹ был одобрен план, предложенный гетманом И. Самойловичем: избрание Киевского митрополита духовенством Киевской митрополии при участии казачества; поставление Киевского митрополита в Москве; обращение в Константинополь за признанием.

В ноябре 1685 г. епископ Луцкий Гедеон, избранный в Киеве на митрополичью кафедру, принес в Москве архиерейскую присягу и получил титул Киевского, Галицкого и всея Малыя России. Поставление Гедеона в митрополиты Киевские было совершено Москвой без испрашивания разрешения у Константинополя, что полностью соответствовало позиции России об исторической неделимости Русской Церкви и об изначальном тождестве Киевской и Московской кафедр. Тем не менее, следуя намеченному плану, Московский патриарх Иоаким и цари Иоанн V и Петр I обратились в Константинополь за признанием совершившегося поставления. Признание было получено, а дальнейшее подчинение Киевской кафедры Московскому Патриархату — одобрено патриаршей и соборной грамотой Константинопольского патриарха Дионисия IV от 1686 г., на чем и закончилось просуществовавшее чуть более двух веков разделение единой Русской Церкви⁹².

Общие выводы об историческом единстве Русской Церкви. Православные епархии различных русских земель изначально принадлежали к единой митрополии Руси (с XII в. — «всея Руси»). Попытки создания независимых митрополий — неважно, *de iure* или *de facto* — для той или иной части русских земель в подавляющем большинстве своем были провальными⁹³ и, как правило, подвергались строгому осуждению со стороны, прежде всего, Константинопольской Церкви (случаи с Климом Смолятичем, Феодорцом, Феодоритом, Григорием Цамблаком). Константинопольские же паламитские соборы XIV века официально признали Северо-Восток Руси единственным легитимным центром бывшей Киевской митрополии.

Проект независимой от Москвы Киевской митрополии родился в недрах Римо-католической Церкви. Рукоположенный Римом униатский митрополит Григорий Болгарин был принят в лоно Константинопольской Церкви по икономии, причем Константинополь не только не ожидал, что принятие Григория приведет к разделению

Русской Церкви на части, но и настаивал на сохранении ее единства, имеющего глубокие исторические корни. Последующее признание Константинополем легитимности Московских митрополитов неминуемо значило, что те восстановят контроль над всей Русской Церковью, что постепенно и произошло. За более чем тысячелетнюю историю Русской Церкви, период ее действительного разделения на две большие независимые части — Киевскую, с формальным центром в Константинополе, и Московскую — продолжился лишь немногим более двух столетий.

II. Соборные и патриаршие документы, свидетельствующие о единстве Русской Церкви, и рецепция содержащихся в них определений

II.1. Документы византийской эпохи

В наиболее общем виде о единстве и неделимости Русской Церкви свидетельствует титул русских митрополитов и затем патриархов, в котором к слову «Руси» прибавлено уточнение «всея», подчеркивающее широкие полномочия первоиерарха Русской Церкви и многообразие входящих в состав Русской митрополии земель. В таком уточненном виде этот титул впервые засвидетельствован в послании Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга великому князю св. Андрею Боголюбскому⁹⁴, затем — в печатях русских митрополитов середины XII века⁹⁵, потом — в грамоте Константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I от 1228 г.⁹⁶; и так далее. В справедливости именно такой трактовки этого титула можно убедиться, например, из послания того же патриарха Германа II к кардиналам Римской Церкви от 1232 г., где паства Русской митрополии описана как ἡ ἀμέτρητος Ῥωσικῆ πλυσθηρία, «бесчисленное множество народов Руси»⁹⁷.

В 1347 г. император Иоанн VI Кантакузин и Константинопольская Патриархия издали целый пакет до-

кументов, посвященных вопросу единства и неделимости Русской Церкви. В центре этого пакета находился: 1) императорский хрисовул, изданный в августе 1347 г.⁹⁸, в точном соответствии с которым в сентябре того же года собором епископов Константинопольской Церкви во главе с патриархом Исидором I было издано: 2) Соборное деяние; и уже со ссылками на этих два основополагающих документа император направил свои грамоты: 3) митрополиту Киевскому (постоянно пребывавшему в Москве) и всея Руси свт. Феогносту; 4) московскому великому князю Симеону Иоанновичу Гордому; 5) князю Галицкому и Владимиро-Волынскому Любарту-Дмитрию Гедиминовичу; а патриарх направил: 6) грамоту митрополиту Галицкому Феодору⁹⁹. Суть всех этих документов сводится к тому, что решение об отделении нескольких епархий Юго-Запада Руси от остальной Русской Церкви, принятое¹⁰⁰ «предшествующим Константинопольским патриархом по злomu умыслу» (διὰ τὴν κακογνώμειαν τοῦ χρηματίσαντος πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως¹⁰¹), было неканоничным (ἔξω τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων¹⁰², или παρὰ κανόνας¹⁰³), поэтому император и архиерейский собор упраздняют его и предписывают, чтобы Русская Церковь вернулась к единству под началом одного предстоятеля, «согласно издревле узаконенным в той стране — всей Руси — обычаям» (τῶν ἐκ παλαιοῦ νεομισμένων ἐθίμων εἰς τὴν τοιαύτην χώραν τῆς πάσης Ῥωσίας)¹⁰⁴. Помимо того, что это определение является важным уже само по себе, огромное значение имеет аргументация, на которую опирается соборное деяние 1347 г.: Τὸ γὰρ ἔθνος τῶν Ῥώσων — χρόνος ἤδη μακρὸς εἰς τετρακοσίους ἐγγὺς ἐξήκων — ἕνα μητροπολίτην γνωρίζον, «Ибо народ Русов вот уже на протяжении почти четырехсот лет знает одного митрополита»¹⁰⁵. Таким образом, именно факт исторического единства Русской Церкви был для отцов собора 1347 г. ключевым аргументом при решении вопроса об упразднении самостоятельной Галицкой митрополии.

Следующий важный документ — грамота собора архиереев Константинопольской Церкви во главе с патриархом свт. Филофеем, изданная в январе 1354 г. Она санкционирует перемещение резиденции Киевских митрополитов во Владимир (а фактически — в Москву, которая уже с 1326 г. стала основным местопребыванием Киевских митрополитов), с сохранением их власти над всей Русской Церковью: οὐκ ἔστιν ἑτέρα καταμονὴ καὶ ἀνάλαυσις καὶ κατάντημα τῇ ἀγιωτάτῃ μητροπόλει Ῥωσίας διὰ τὰς προειρημένας αἰτίας εἰ μὴ τὸ Βλαντίμοιρον («нет для святейшей митрополии Руси, по изложенным выше причинам¹⁰⁶, иного местопребывания, прибежища и укрытия, кроме Владимира»), поэтому ἐν Ἀγίῳ παρακελεύεται Πνεύματι διὰ τοῦ παρόντος συνοδικοῦ γράμματος εἶναι καὶ εὐρίσκεισθαι τὸν τε ἱερώτατον μητροπολίτην Ῥωσίας καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν πάντας ἐν τῷ Βλαντιμοίρῳ καὶ ἔχειν τοῦτο ὡς οἰκεῖον κάθισμα ἀναφαιρέτως καὶ ἀναποσπάστως εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα, καὶ ἐνὶ μὲν καὶ τὸ Κύεβον ὡς οἰκεῖος θρόνος καὶ πρῶτον κάθισμα τοῦ ἀρχιερέως, ἐὰν περισώζηται, μετ' ἐκεῖνο καὶ σὺν ἐκείνῳ δεῦτερον κάθισμα καὶ καταμονὴ καὶ ἀνάλαυσις ἢ ἀγιωτάτῃ ἐπισκοπῇ Βλαντιμοίρου («во Святом повелевается Духе посредством настоящей соборной грамоты, чтобы священнейшая митрополия Руси, как и все, что к ней относится, находилась и обреталась во Владимире, и имела его как собственную кафедру безвозвратно и на веки вечные неотъемлемо, и пусть за ней остается, во-первых, Киев — если тот продолжит существовать, — как собственный престол и первая архиерейская кафедра, а следом за ним и вместе с ним — и святейшая Владимирская епископия, как вторая кафедра и местопребывание, и прибежище»)¹⁰⁷.

Еще один документ византийской эпохи — патриаршая грамота Константинопольского патриарха Иосифа II от 1416 г. о соборном низложении Григория Цамблака, посланная митрополиту Руси свт. Фотию¹⁰⁸: «Нынѣ же божественный и священный Съборъ събрався по случаяю,

священныя святители, митрополиты всесчестнѣйшія Ираклійскій и Ангирьскій и иніи мнози, и судомъ сихъ общимъ поверженъ Цамблакъ Григорей, по божественнымъ и священнымъ правиломъ, по изверженію, въ отлученіе и проклятіе»¹⁰⁹. На этот документ, помимо прочего, ссылался патриарх Иоаким в своих инструкциях послам, отправлявшимся на переговоры о признании поставления Киевского митрополита в Москве¹¹⁰.

II.2. Документы середины XV — середины XVII в.: попытка оспорить права Московского первоиерарха и последующее подтверждение его прав на все русские епархии

Принципиальное значение имеет содержание патриаршая грамота Константинопольского патриарха свт. Дионисия I, адресованная князьям и народу Руси — «Лист Дионисия патриарха Константинопольского до Москвы писаныи» от 1467 г.¹¹¹ Патриарх настаивает здесь, ссылаясь на древний обычай, на неделимости Русской Церкви: «Имели бы есте одну Церков а одного митрополита, а про тож ся есте приложили к нему в едность, аж бы была одна Церков, а в ней один пастыр, абы с того пан Бог похвален был, который рушает все погоршенье и разделенье, а диавол прогнан бывает... Про тож годность, только бы тот один был митрополит истинный правый на всей Русской земли подлуг старого обычая и звычай русского. Не подобно бо есть, абы старый обычай и звычай изламан был старый». При этом в грамоте утверждается, что Константинопольская Церковь не признала митрополичий сан свт. Ионы¹¹² и его преемников, откуда вытекает, что главой единой Русской Церкви следует считать признанного теперь Константинополем Григория Болгарина: «А што зделали на Москве, аж бы того перестати делати, как же указывает и приказует святая головнея великая Церков соборная, бо то ест против правил и против закону Божию; елико именовали на Москве от Ионы и до сих часов митрополитов, тых всих великая зборная наша святая Церков не имае, а ни дрѣжит, а ни именуе за митропо-

литов. А про тоже бы есте вси приняли, и держали бы есте, и послушнии были его и имели его правого и истинного митрополита, предреченного преосвященного митрополита Киевского и всеа России кир Григория о святом душе возлюбленного брата и сослужителя нашего смирения». В этой последней части грамота патриарха Дионисия не была принята в Москве, где продолжали считать истинными митрополитами всея Руси преемников свт. Ионы, но важно подчеркнуть, что, во-первых, из грамоты ясно следует, что Константинопольская Церковь не выносила решения о разделении Русской Церкви на «Московскую» и «Киевскую» части; во-вторых, с признанием легитимности Московских митрополитов Константинополю пришлось бы либо выносить такое решение (что отнюдь не было сделано), либо лишать легитимности, наоборот, уже митрополитов Киевских и Галицких (что выполнил за Константинополь сам ход истории).

Формальной легитимацией Московских первоиерархов со стороны Константинополя можно считать уже упоминание «всесвященнейшего митрополита Московского и всея Руси» Варлаама (имя не упомянуто) в грамоте патриарха Константинопольского Феопипта I от 1516 г.; что особенно важно, в той же грамоте тот же митрополит также назван «священнейшим митрополитом Киевским и всея Руси»¹¹³. Таким образом, и в XVI веке Константинопольский Патриархат вполне осознавал, что Московский митрополит одновременно является и Киевским.

Бесспорной легитимацией является упоминание имени митрополита Московского свт. Макария в соборной грамоте о признании царского титула Иоанна Васильевича Грозного, изданной в 1561 г. патриархом Константинопольским Иоасафом II от лица архиерейского собора¹¹⁴, равно как и в патриаршем послании того же патриарха, где митрополиту Макарию, в статусе «патриаршего экзарха», предоставлено право венчать Ивана IV на царство от лица самого патриарха¹¹⁵.

Окончательным же актом признания такой легитимации следует считать документы об учреждении на Руси патриаршества: Уложенную грамоту царя Феодора Иоанновича, Константинопольского патриарха Иеремии II и церковного собора от 1589 г.; Соборную грамоту того же патриарха и собора епископов Константинопольской Церкви от 1590 г. и, главное, Соборное деяние Великого Константинопольского собора всех древних православных Церквей Востока 1593 г. Именно третий из этих документов является ключевым, как по обстоятельствам своего издания¹¹⁶, так и по степени авторитетности, поскольку он представляет собой решение собора всех восточных патриархов¹¹⁷, а не одной лишь Константинопольской Церкви. В Соборном деянии 1593 г. было вынесено следующее определение: ... τὸν θρόνον τῆς εὐσεβεστάτης καὶ ὀρθοδόξου πόλεως Μοσκόβου εἶναί τε καὶ λέγεσθαι πατριαρχεῖον, διὰ τὸ βασιλείας ἀξιοθῆναι παρὰ Θεοῦ τὴν χώραν ταύτην, πᾶσαν τε Ῥωσίαν καὶ τὰ ὑπερβόρεια μέρη ὑποτάττεσθαι τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ Μοσκόβου καὶ πάσης Ῥωσίας καὶ τῶν ὑπερβορείων μερῶν... («... престол благодетельнейшего и православного города Москвы да будет и называется патриаршим, поскольку страна та удостоилась от Бога царской власти, а вся Русь и северные страны да подчиняются патриаршему престолу Московскому и вся Русь и всех северных стран...»)¹¹⁸. Это определение не только не предполагает разделения Церкви *всяя Руси* на какие-либо части, но и подчиняет все русские епархии Московской кафедре. Будучи соборным решением всех восточных патриархов, это определение заведомо выше любых решений какой-либо одной Поместной Церкви — в том числе, Константинопольской, — и имеет перед ними безусловный приоритет.

Немалое значение имеет и аргумент, которым отцы собора 1593 г. обосновали целесообразность предоставления Московскому первоиерарху патриаршего титула: «Страна та удостоилась от Бога царской власти». Ниже

в Соборном деянии 1593 г. всем Поместным Церквам предписывается поминать имя московского царя за богослужением: в диптихах, на проскомидии и, главное, на двупсалмии утрени, где некогда поминали имя только лишь византийского императора. Признавая царское достоинство правителей Москвы, отцы собора 1593 г. тем самым признавали за русскими царями власть влиять на административно-территориальное устройство Церкви, в соответствии с православным каноническим правом: «Аще царскою властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел» (38-е правило Трулльского собора; ср. 17-е правило IV Вселенского собора).

Таким образом, Соборное деяние 1593 г. не только не предполагало возможности дальнейшего сосуществования двух митрополий «всяя Руси», но и предоставило русскому царю и Московскому патриарху все необходимые инструменты для преодоления имевшегося на тот момент разделения с Западнорусской митрополией. Московские первоиерархи именно так и понимали содержание Соборного деяния, что видно и из их собственных слов (см. выше цитату из послания патриарха Иоакима), и из фактов поставления Киевского местоблюстителя в 1661 г., возведения Черниговского епископа Лазаря (Барановича) в архиепископы на Московском соборе 1666–1667 гг., утверждения Варлаама (Ясинского) как архимандрита Киево-Печерской лавры в 1684 г. и, наконец, поставления Киевского митрополита в 1685 г. — все это без испрашивания разрешения у Константинополя.

Важным символическим прецедентом было принятие патриархом Никоном новоизобретенного официального титула «Святейший архиепископ Московский, всяя Великия и Малыя России патриарх»¹¹⁹. Такая форма титула, с одной стороны, подражала титулу Константинопольского патриарха («Святейший архиепископ Константинополя и Вселенский патриарх»), а с другой — калькировала титул

Московского царя («Государь царь и великий князь, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец»). Константинопольский патриарх Паисий I одобрил эту титулатуру, тем самым признав права Московского патриарха на малороссийские епархии. В знаменитой Соборной грамоте 1654 г., которая стала краеугольным камнем приведшей к расколу Русской Церкви никоновской книжной sprawy, патриарх Паисий, вместе с сонмом архиереев, называет Никона «патриархом Московии, Великой и Малой России» и т. д. (Τῷ μακαριωτάτῳ καὶ εὐσεβεστάτῳ πατριάρχῃ Μοσχολίας, Μεγάλῃς τε καὶ Μικρᾶς Ῥωσίας, καὶ πολλῶν ἐπαρχιῶν τῶν κατὰ γῆν καὶ θάλατταν παντὸς βορρῆϊοῦ μέρους κυρίῳ ΝΙΚΟΝΙ ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ ἡμῶν...)¹²⁰.

II.3. Документы 1686 г.

Из сказанного выше следует, что для поставления Киевского митрополита в Москве в одобрении Константинополя нужды как таковой не было. Тем не менее, в 1682 г. по инициативе русского правительства был инициирован переговорный процесс по вопросу о предоставлении такого одобрения в письменном виде. Как уже отмечалось выше, основная цель этого процесса заключалась не в получении контроля над церковной жизнью Киева и Левобережья, который уже и так находился в руках Московского патриарха, а в создании неоспоримой юридической базы для дальнейшего давления на Речь Посполитую в вопросах соблюдения прав и религиозных свобод ее православного населения. В 1684 г. в Константинополе грек Захарий Софир, уполномоченный Посольским приказом, провел предварительные переговоры с Константинопольским патриархом Иаковом на предмет поставления Киевского митрополита в Москве. Патриарх ответил отказом, сославшись на необходимость одобрения такого решения великим визирем Османской империи. Этот отказ не повлиял на подготовку к поставлению митрополита на вдовствующую Киевскую кафедру в Москве. В том же

1684 г. левобережный гетман попытался убедить русское правительство поставить митрополитом избранного им епископа Гедеона (Святополк-Четвертинского), бежавшего из Речи Посполитой по причине преследований. Но в Москве были убеждены в необходимости выбора митрополита не по представлению гетмана, а церковным собором самой митрополии. Во исполнение этого 29 июня 1685 г. в Киеве открылось собрание духовенства Киевской митрополии с участием видных представителей казачества (прежде всего — Ивана Мазепы); ни Лазарь Черниговский, ни Гедеон (а других православных архиереев в митрополии больше не осталось) в собрании участия не принимали. На заседании 8 июля Гедеон был избран митрополитом Киевским. Одновременно духовенство Киева во главе с архимандритом Киево-Печерского монастыря Варлаамом (Ясинским) выразило гетману свою озабоченность относительно предстоящего поставления Гедеона в Москве без согласия Константинопольского Патриархата. Был составлен список требований относительно сохранения «прав и вольностей Малороссийской земли», основную часть которого составляли пожелания не приводить православное богослужение на украинских землях в соответствие московской практике. 20 июля гетман И. С. Самойлович и епископ Гедеон направили в Москву послание с описанием произошедшего, просьбами о направлении посольства в Константинополь и сохранении «вольностей». В сентябре 1685 года московское правительство рассмотрело требования киевского духовенства и согласилось с пятью из шести; гетман пошел на компромисс, сняв не устроивший Москву пункт, что открыло дорогу к поставлению Гедеона в Москве, которое состоялось 8 ноября в Успенском Соборе Московского Кремля.

После поставления Гедеона в Константинополь были направлены посланец гетмана Самойловича Иван Лисица и дьяк Никита Алексеев с грамотами от патриарха Иоакима, царей Иоанна V и Петра I, и гетман с просьбой

утвердить переход Киевской митрополии в юрисдикцию Москвы. В полном соответствии с разъяснениями Константинопольского патриарха Иакова, переговорщики сначала получили одобрение от великого визиря, а затем — и от Константинопольского патриарха Дионисия IV. В мае-июне 1686 г. Константинопольская Патриархия издала четыре официальных документа, одобряющих переход Киевских митрополитов под юрисдикцию Московских патриархов: 1) патриаршую грамоту в адрес московских царей, 2) патриаршую грамоту в адрес гетмана И. Самойловича, 3) патриаршую и соборную грамоту в адрес патриарха Московского Иоакима и 4) патриаршую и соборную грамоту о новом порядке избрания митрополита Киевского¹²¹. Также был написан ряд посланий, не имеющих юридического значения¹²², которые мы по этой причине здесь не комментируем.

Содержание всех четырех указанных документов, если опустить различия в обращениях к адресатам и не относящуюся к делу риторику, сводится к тому, что патриарх и архиереи Константинопольской Церкви признают объективную необходимость переподчинения Киевской кафедры Московскому патриарху, предоставляют Московскому патриарху власть рукополагать Киевского митрополита, избранного согласно обычаю его митрополии, и судить его, то есть иметь над ним полноту юрисдикции, причем навсегда (соответствующие права переданы Московскому патриарху «как тогдашнему, так и всем последующим (ὅ τε ἡδὴ καὶ οἱ μετὰ τοῦτον)»); а от Киевского митрополита требуют впредь относиться к Московскому патриарху как к своему «предстоятелю», то есть каноническому главе, и обращаться за ставленнической грамотой именно к нему, а не к Константинопольскому.

Вообще говоря, в свете определения Великого Константинопольского собора 1593 г. канонический статус всех этих документов сомнителен, поскольку указанный собор уже утвердил права Московского патриарха в отно-

шении всех русских епархий, а его авторитет выше, чем у отдельно взятой Константинопольской Церкви. Да и сама Константинопольская Церковь в Соборном деянии 1654 г. уже признала права Московского патриарха не только на Великую, но и на Малую Россию.

Тем не менее, в последнее время в литературе наметилась тенденция придавать документам 1686 г. едва ли не определяющее значение¹²³. В частности, указывается, что содержащееся в этих документах выражение ἔχῃ ἄδειαν... χιροτονεῖν в отношении права Московского патриарха рукополагать Киевского митрополита якобы означает не «имеет власть хиротонисать», а «имеет дозволение/уполномочен (sur autorisation) хиротонисать», и что обязательство Киевского митрополита воспринимать Московского патриарха ὡς γέροντος καὶ προεστῶτος, «как старшего и предстоятеля», якобы в действительности означает «его признание в качестве духовного отца» и не более того¹²⁴. Подобные выводы представляют собой всего лишь попытку выдать желаемое за действительное. Так, согласно словарю Э. Криараса, наиболее авторитетному словарю греческого языка византийского и поствизантийского периодов, первые — т. е. основные — значения у слова ἄδεια — следующие: 1) ἐλευθερία να κάνει κανείς, 2) ἀλόγυτη ἐλευθερία, т. е. «свобода делать что-либо», «полная свобода (действий)»¹²⁵, а отнюдь не выданная кем-то вышестоящим «авторизация». В свою очередь, термин προεστός (προεστός), согласно тому же словарю, означает «начальника» в самом широком смысле слова¹²⁶; а главное, можно указать на примеры использования этого слова в качестве синонима термина «патриарх»¹²⁷.

Никаких ограничений власти Московского патриарха рукополагать Киевского митрополита или дозволениям Киевскому митрополиту относиться к Московскому патриарху «просто как к духовному отцу»¹²⁸ документы 1686 г. в действительности не содержат. Киевский митрополит полностью и безоговорочно подчиняется ка-

нонической власти Московского патриарха. Нет в этих документах и утверждений о том, что Киевский митрополит якобы сохраняет за собой статус «экзарха Константинопольского патриарха» в отношении Малороссии. Выражение «экзарх» в отношении Киевского митрополита встречается в двух второстепенных документах июня 1686 г. — патриарших посланиях духовенству и верным Киевской митрополии, а также им же вместе с гетманом¹²⁹. Адресатам этих посланий предписывается не выходить из послушания митрополиту Гедону, который назван «митрополитом Киевским... и экзархом всея России». Выражение «экзарх всея России» можно понимать двояко — либо как претензии Константинопольского патриарха на всю Русь, что шло бы вразрез с решениями Великого Константинопольского собора 1593 г. и нарушало бы целый ряд священных канонов, либо как синоним перехода митрополита Киевского под власть патриарха всея Руси — по аналогии с тем, как в предшествующую эпоху тот же митрополит мог называться «экзархом Константинопольского патриарха». Очевидно, что приемлемым толкованием является именно второе: митрополит Киевский признается экзархом [патриарха] всея Руси.

Единственное встречное условие, которое выдвигается в документах 1686 г. — о чем, собственно, сами эти документы и свидетельствуют¹³⁰ — просьба, чтобы Киевский митрополит за богослужением поминал имя Константинопольского патриарха прежде имени Московского. С юридической точки зрения, упомянутая просьба является не более, чем простым благопожеланием. Никаких санкций за ее невыполнение документы 1686 г. не предусматривают, а главное — никаких обязательств по исполнению этой просьбы ни Московский патриарх, ни Киевский митрополит на себя не принимали. Делать из этой просьбы тот вывод, что Киевская митрополия якобы сохранила каноническое подчинение Константинополю, нельзя: речь в этой просьбе идет исключительно о ми-

трополите, мотивация просьбы (которая указана прямо) не содержит и намека на сохранение юрисдикции Константинополя над Киевом¹³¹, поминовения Константинопольского патриарха прочими епископами (не говоря о священниках) митрополии не предусматривается.

Тем не менее, достаточно парадоксальным образом эта просьба была удовлетворена автоматически. Дело в том, что еще при патриархе Никоне из уважения к восточным патриархам их поминовение было включено в стандартные издания русских богослужебных книг. В частности, в московском издании Служебника 1655 г. впервые появилось поминовение на проскомидии не только Московского патриарха, но и четырех восточных патриархов, причем поименное¹³². В свою очередь, в Чиновнике архиерейского священнослужения 1677 г. и его переизданиях восточные патриархи упомянуты на возгласе анафоры; еще в чине архиерейской литургии появились поминовения восточных патриархов на великом входе и так называемая великая похвала — ряд возгласов перед пением литургийного Трисвятого; все это дополнило собой поминовение патриархов на проскомидии, которая продолжала совершаться по Служебнику. Для сравнения, в старом архиерейском Чиновнике Киевской митрополии¹³³ великой похвалы не было вообще, как не было и поминовения патриархов на великом входе; имелось лишь поминовение «вселенских патриархов» (без имен) на проскомидии и упоминание вселенского патриарха в составе возгласа на евхаристической молитве. Как следствие, в архиерейском — и даже в рядовом священническом — чине литургии после воссоединения Киевской митрополии с Московским патриархатом объем поминовений восточных патриархов заметно вырос по сравнению с предшествующим периодом. Тем самым, желание Константинопольского патриарха Дионисия IV подчеркнуть единство Церкви во «всех концах вселенной», как он сам писал, было полностью удовлетворено самим

фактом перехода на московские издания богослужебных книг¹³⁴.

Наконец, крайне важно подчеркнуть, что ни в конце XVII века, ни в XVIII–XIX веках факт окончательного и бесповоротного воссоединения Киевской митрополии с Церковью всея Руси никем не ставился под сомнение¹³⁵. Даже патриарх Иерусалимский Досифей, до издания документов мая-июня 1686 г. выступавший с критикой идеи такого воссоединения, после принятия решения Константинополем уже не давал ни малейшего повода усомниться в пребывании Киевской митрополии в полном каноническом подчинении у Москвы. Напротив, в целой серии писем он призывал Москву использовать свою церковно-каноническую власть для устранения элементов католического влияния в малороссийском богословии и литургической практике (т. е., по сути для упразднения тех самых «прав и вольностей», возможность сохранять которые киевское духовенство оговаривало в 1685 г.)¹³⁵.

Замечательным свидетельством безоговорочного принятия случившегося со стороны высших лиц Константинопольского Патриархата является прошение бывшего Константинопольского патриарха Серафима II, который был вынужден покинуть Османскую империю из-за занятой им антитурецкой позиции во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., о позволении ему совершать богослужения в храмах Киевской (!) епархии. В июне 1776 г. патриарх направил в Святейший правительствующий Синод следующее прошение¹³⁷:

Въ силу Высочайшаго и Святѣйшаго правительствующаго Снода повеления, Кіевской епархіи въ Спа(с)скій Максаконскій монастырь прошлаго февралѣ м(еся)ца я прибыль, но какъ не имѣя от(ъ) Святѣйшаго Снода къ священнослуженію писменое дозволеніе, священнодѣйствовать не дерзаю. Для того по церковному чиноположенію священ(н)ослуженіе мнѣ дозволити и для вѣдома къ митрополиту Кіевскому послать указъ С(вя)тѣйшаго правительствующаго Снода всенижайше

прошу. Къ сему доношенію подписался. † Πατριάρχης τρώην Κωνσταντινουπόλεως Σεραφίμ.

Как видно из этого прошения, которое было рассмотрено и удовлетворено Синодом¹³⁸, бывший Константинопольский патриарх испрашивает разрешение служить — причем не где-то, а в собственной епархии Киевского митрополита! — у высших церковных властей Русской Церкви, а не в Константинополе, и не знает ни о каких якобы сохраняющихся у Киевских митрополитов обязательствах в отношении константинопольских предстоятелей.

Выводы о канонических основаниях единства Русской Церкви: Уже сам по себе факт исторического единства Русской Церкви обладает более, чем достаточной канонической силой (Соборное деяние и императорский хрисовул 1347 г., патриаршая грамота 1467 г.). Центр единой Русской Церкви каноническим образом перемещен во Владимиро-Суздальскую землю, то есть в Москву, с сохранением за Московским архиереем Киева как его собственной древней кафедры (Соборное деяние 1354 г.; ср. патриаршую грамоту 1516 г.).

Великий Константинопольский собор 1593 г. подтвердил права Московского патриарха на все исторические русские епархии, не ограничивая их территориями под текущим политическим контролем Москвы. В 1686 г. Константинопольскому Патриархату осталось лишь с достоинством отказаться от какого-либо оспаривания прав Московского патриарха в отношении Киевской кафедры. Единственная сделанная в 1686 г. оговорка, касающаяся поминовения Константинопольского патриарха, во-первых, не была для Русской Церкви обязывающей, поскольку нет и не было каких-либо документов, подтверждающих согласие Московского Патриархата или самой Киевской митрополии с этой оговоркой; во-вторых, могла быть истолкована либо как заявление об универсальной власти Константинопольской Церкви (что подозрительно напоминало бы папский догмат и поэтому не

было богословски приемлемо), либо как благопожелание подчеркнуть единство Вселенской Церкви при помощи литургических поминовений (что Русская Церковь осуществила еще ранее 1686 г., при патриархе Никоне).

III. Общие выводы

Единство Русской Православной Церкви, существующее уже более тысячелетия, неоднократно оказывалось под ударами с разных сторон, но вопреки этому просуществовало значительно дольше, чем длились периоды его нарушения.

В византийские времена именно Константинопольская Церковь отстаивала это единство, вопреки возникавшим политическим конфликтам между теми или иными русскими княжествами. Со своей стороны, духовенство и верующие митрополии *всей Руси* отвечали Константинопольской Церкви любовью, уважением, признанием и существенной материальной поддержкой.

Оторвать митрополию *всей Руси* от Константинополя смогла лишь сама византийская элита, когда она сначала попыталась использовать русское Православие в качестве разменной монеты в отчаянной попытке заставить Запад прийти на помощь гибнущему Константинополю, а затем позволила униатскому митрополиту узурпировать титул первоиерарха «всей Руси».

Восстановление полноценного церковного общения между Москвой и Константинополем не могло не поставить вопроса о том, кто в действительности имеет право на титул первоиерарха «всей Руси», а объективный ход истории дал на этот вопрос исчерпывающий ответ, закрепленный в целом ряде церковно-канонических документов, для пересмотра которых нет никаких законных оснований.

Примечания

¹ Ныне г. Переяслав-Хмельницкий (Украина, Киевская обл.).

² Далее мы будем обозначать этот город просто как Владимир, без уточнений.

³ См. списки архиерейских кафедр Константинопольского Патриархата: *Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. P., 1981. P. 333, notitia 10 [recensio a] (681); p. 343, notitia 11 (62). Упоминание Киева в титуле митрополита Руси — τῷ Κυβερτῆ τῆς Ῥωσίας — появляется только в поздних вариантах списков (*Ibid.* P. 335, notitia 10 [recensio d] (701); P. 403, notitia 17 (136); p. 481, notitia 20 (50)).

⁴ См. *Поннэ А.* Русские митрополии Константинопольской Патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. М., 1968. Т. 28. С. 85–108; 1969. Т. 29. С. 95–104; *Назаренко А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. М., 2007. № 1 (27). С. 85–103; *Цукерман К.* Дуумвираты Ярославичей. К вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // *Дньслова: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя*. К., 2008. С. 40–50.

⁵ Прецедент с поставлением в 1051 г. митрополита Илариона без согласования с Константинополем нас в данном случае не интересует, поскольку он не был связан с разделением Русской митрополии на части.

⁶ Т. е. епископом города Юрьев на реке Рось, ныне г. Белая Церковь (Украина, Киевская обл.).

⁷ Его появление на Руси стало возможным после изгнания Изяслава Мстиславовича из Киева на Волынь войсками нескольких союзных князей во главе с великим князем Юрием Долгоруким, до того правившим на Северо-Востоке Руси.

⁸ *Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ.* Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.) // *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко*. М., 2018. С. 35–56.

⁹ Обоснования данному утверждению см. в статьях: *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской Церкви домонгольского

времени // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2015. №4 (62). С. 67–76; Печников М. В. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. М., 2017. № 3/4 (47/48). С. 237–278.

¹⁰ Назаренко А. В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Международная научная конференция (Владимир, 5–6 июля 2011 г.). Владимир, 2013. С. 13–36.

¹¹ Текст этого документа см. в кн.: Памятники древне-русского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV в.), изд. 2-е / Ред. В. Н. Бенешевич. СПб., 1908. (Русская историческая библиотека; 6) [далее: РИБ. Т. 6]. Кол. 63–76; здесь см. кол. 68: «всеа Руси».

¹² См.: Franklin S. Diplomacy and Ideology: Byzantium and the Russian Church in the mid-twelfth century // Byzantine Diplomacy: Papers from the 24th Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March, 1990 / J. Shepard, S. Franklin, eds. Aldershot (Hampshire), 1992. (Variorum Series). P. 145–150.

¹³ Известны три вислые печати середины XII века, содержащие этот титул и имя «Константин» (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 49), которые, по предположению В. Лорана, следует связывать не с митрополитом Константином I, а с митрополитом Константином II (1167–1170; Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. P., 1972. T. V, 3. P. 606–607; см., однако: Купранис А. А. Датированные печати иерархов Русской Церкви (домонгольский период) // Церковная археология, Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 года. СПб., 1998. С. 162 сл.). По наблюдению Н. П. Лихачева, представленный на этих печатях образ Божией Матери является «как бы переходом типа «Знамение» к «Печерской»» (Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. СПб., 1907. Вып. 2. С. 5) — возможно, в этом также можно усмотреть желание прибывшего из Константинополя иерарха подчеркнуть единство Севера и Юга Руси.

¹⁴ «Митрополитъ же Константинъ повелъ ему яззыкъ оуръзати . іако злодѣю и еретіку . и руку правую оутати . и вчи ему

вынати» (Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Стб. 356).

¹⁵ Или Кирилл II, если упоминание в Киево-Софийском помяннике о митрополите с именем Кирилл, жившем в XI веке (в летописях его имя не засвидетельствовано), ошибочно.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 472.

¹⁷ «Митрополитъ Максимъ . не терпа Татарьско насилья . встава митрополю и збѣжа ис Киева . и весь Киевъ розбѣжалъса . а митрополитъ иде ко Браньску . и . иде в Суждальскую землю . и со всѣм своимъ житѣемъ» (Там же. Стб. 485). При этом действующий Владимирский епископ был перемещен в Ростов: «Того же лѣта Максимъ митрополитъ сѣде въ Володимери на столѣ . а Семена вл(а)д(ы)кү посади в Ростовѣ» (Там же. Стб. 528).

¹⁸ Располагался на реке Рата, ныне это территория Львовской обл. Украины.

¹⁹ Кроме Галицкой епархии, в этих границах находились Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Туровская.

²⁰ См.: Павловъ А. С. О началѣ Галицкой и Литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византийскимъ документальнымъ источникамъ XIV вѣка. М., 1894 [Отдельный оттиск из № 5 журнала «Русское обозрѣніе»]. С. 3–10. Ср.: Darrouzès. Notitiae... P. 403, notitia 17 (157); Laurent V. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. IV: Les registes de 1208 à 1309. P., 1971. P. 374–375 (№1592).

²¹ Впрочем, в позднейших источниках сохранилось краткое упоминание о наличии в Галиче митрополита по имени Гавриил уже после отправки свт. Петра на Русь, но это либо ошибка, либо деятельность Гавриила продолжалась недолго.

²² Известно пророчество свт. Петра о будущем Москвы как, в том числе, центре Русской Церкви: «Градъ сѣи славень будетъ въ всѣхъ градѣхъ Рускихъ, и святители поживутъ в нем... и прославится Богъ в нем»; moreover, оно отсутствует в древнейшей версии Жития свт. Петра и появляется только в редакции, созданной свт. Киприаном (Клосс Б. М. Пространная (Киприановская) редакция Жития митр. Петра // Он же. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 32–47) — одним из важнейших церковных деятелей на Руси XIV века, о котором речь пойдет ниже.

²³ Почитаемые мощи святителя донныне находятся в алтаре кремлевского Успенского собора, а праздник в его честь вплоть до XVII в. считался в Москве одним из главных событий церковного года.

²⁴ Собственно, известны лишь титул ее митрополитов и имя одного из них: *Darrouzès. Notitiae...* P. 399, notitia 17 (83); *Hunger H., Kresten O. Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Teil 1: Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315–1331. W., 1981 (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XIX/1). S. 554 (№98: 14–15).*

²⁵ Из факта этой хиротонии очевидно, что Галицкой митрополии в 1328 г. еще не существовало.

²⁶ Вероятно, исполняя просьбу галицкого князя Юрия II Болеслава.

²⁷ *Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. P., 1977. P. 122 (№2164).*

²⁸ Несомненно, по требованию свт. Феоноста.

²⁹ *Darrouzès. Les registes... Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. P. 175–177 (№2224). См. прим. 19.*

³⁰ О синодальном послании с осуждением митрополита см.: *Darrouzès. Les registes... Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. P. 278–279 (№2336).*

³¹ В титулатуре рядовых правящих архиереев этот титул вновь появляется лишь с середины XVIII века.

³² Издание текста и комментарий: *Koder J., Hinterberger M., Kresten O. Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Teil 3: Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1350–1363. W., 2001 (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XIX/3). S. 104–117 (№193).*

³³ Издание текстов и комментарий: *Ibid. S. 116–131 (№194–195).*

³⁴ Издание текста и комментарий: *Ibid. S. 130–139 (№196; процитированный фрагмент: S. 136: 58–61).*

³⁵ *Darrouzès. Les registes... Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. P. 489–495 (№2579–2582, 2584).* Послания были направлены, но сигиллий официально издан не был.

³⁶ Как показала дальнейшая история, появление у православных собственного митрополита отнюдь не остановило реали-

зацию этой угрозы. Уже сам Казимир предлагал папе создать для галичан отдельную католическую митрополию; при нем в старых русских городах были учреждены католические епархии: в Перемышле — не позднее 1351 г., во Владимире-Волынском — в 1358 г., в Холме и Львове — в 1359 г. Около 1357 г., согласно упоминаниям в источниках, католический иерарх Галича имел сан архиепископа. Проект создания католической митрополии был завершён после смерти Казимира, причем без учета мнения уже имевшегося в наличии православного Галицкого митрополита: в 1375 г. папской буллой архиепископу Галицкому (с 1412 г. его резиденция была перемещена во Львов) были подчинены католические епископы Перемышля, Владимиро-Волынского (к 1427 кафедра переместилась в Луцк) и Холма; в 80-е гг. XIV в. в рамках этого архиепископства была создана кафедра в Каменце-Подольском, в 1410 г. — в Киеве. Политика светских правителей ставила православных жителей галицко-волынской земли в уязвимое положение — они не только считались «схизматиками» и подвергались психологическому давлению, но и платили больше налогов, чем католики, ущемлялись в некоторых гражданских правах, а имущества православных храмов и епархий были защищены значительно менее, чем католических (см.: *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 309–327).* Все это подталкивало православное население к переходу в католичество.

³⁷ Казимир III не успел дожить до исполнения своего требования — он скончался 5 ноября 1370 г.

³⁸ *Darrouzès. Les registes... Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. P. 524–525 (№2622).*

³⁹ *Ibid. P. 528–529 (№2625).*

⁴⁰ См.: *Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. III. С. 49–57.*

⁴¹ Там же. С. 57–61.

⁴² В 1393 г., после смерти митрополита Галицкого Антония (1391 г.), король Польши и сюзерен великих князей литовских Владислав (Ягайло) направил в Константинополь для поставления Галицким митрополитом Луцкого епископа Иоанна (Бабу). Одновременно свт. Киприан сообщил в Патриархию об

обвинениях, выдвинутых против Иоанна епископом Владимиро-Волыньским (чем *ipso facto* заявил о своих правах на епархии Галицкой митрополии). Епископ Иоанн, не дожидаясь прибытия Владимиро-Волынского архиерея, покинул Константинополь, ссылаясь на то, что король уже назначил его Галицким митрополитом, а необходимое благословение Константинопольского патриарха он якобы получил, когда последний благословил его при встрече, согласно обычаю. Патриарх Антоний IV, возмущенный столь наглой подменой понятий, в октябре 1393 г. отправил свт. Киприану послание с поручением совершить над еп. Иоанном суд, низложить его и поставить на Луцкую кафедру нового архиерея (*Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. VI: Les registes de 1377 à 1410. P., 1979. P. 214 (№2935)*) — таким образом, патриарх фактически признал власть свт. Киприана над епархиями Галицкой митрополии. Король, однако, не прислушался к патриаршему решению, и еп. Иоанн вступил в управление епархиями митрополии; в 1397 г. патриарх Антоний IV предпринял новую попытку решить конфликт, направив королю послание с предложениями либо простить еп. Иоанна, если тот прибудет на суд «к своему митрополиту», либо поставить на митрополию иного кандидата; одновременно было направлено послание свт. Киприану с упреком о его вмешательстве в дела Галицкой митрополии (*Ibid. P. 302–305 (№3039–3040)*). Чем в итоге разрешился конфликт, неизвестно, но во всяком случае в 1398 г. еп. Иоанн все еще не был поставлен митрополитом (*Флоря Б. Н. Иоанн (Баба) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 380*), а в 1411–1412 гг. митрополит Киевский и всея Руси свт. Фотий совершил пастырскую поездку в Галич, что было бы невозможно в случае наличия там собственного митрополита. В 1423 г. Ягайло поручил надзор за «схизматиками» (т. е. православными) Львовскому католическому архиепископу, что также указывает на отсутствие у Галицкой земли отдельного православного митрополита.

⁴³ *Darrouzès J. Les registes.... Fasc. VII: Les registes de 1410 à 1453. P., 1991. P. 11 (№3302)*. Греческий текст Патриаршей грамоты утрачен, русский перевод см. в кн.: РИБ. Т. 6. Кол. 357–360 (№40).

⁴⁴ Сохранились в рукописи ГИМ. Муз. № 1209. Л. 223 об. — 225. Впрочем, по свидетельству поздней Густынской летописи, византийскому руководству, стоявшему уже на пороге катастрофы, в конце концов пришлось признать сан Григория (*Fijałek J. Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od połowy XIV w. na podstawie źródeł greckich // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1897. S. 51*), что подтверждается тем, что во время Констанцского собора византийская делегация присутствовала на литургии, возглавлявшейся Григорием, а сам он обращался к папе Римскому не только от своего лица, но и от своего «господина Константинопольского императора... а также патриарха этого города» (*Ломизе Е. М. Константинопольская Патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1499) // Византийский временник. М., 1994. Т. 55 (80), ч. 1. С. 104–110*). Это создало прецедент легитимации митрополита *post factum*, что впоследствии сыграло свою роль при признании митрополитом всея Руси другого Григория — Григория Болгарина, а также обнаружило желание византийского руководства использовать фактор Киевской митрополии, судьбы которой оказались переплетены с католическими Польшей и Литвой, в переговорах о предоставлении Западом экстренной помощи в борьбе с натиском османов.

⁴⁵ О чем свидетельствует повторное, после 1411–1412 гг., пастьрское посещение Галича свт. Фотием в 1420–1421 гг.

⁴⁶ Поставление митрополита Илариона в 1051 г. мы здесь не рассматриваем — см. прим. 5.

⁴⁷ *Gill J. Byzantium and the Papacy (1198–1400). New Brunswick (N. Y.), 1979. P. 120–141*.

⁴⁸ *Ibid. P. 219*.

⁴⁹ Хотя ранее — в 1367 г. — переговоры велись и с ним, в лице патриарха Филофея, который выразил согласие на созыв большого собора для обсуждения разногласий между Востоком и Западом: *Ibid. P. 216–217*. См. также: *Ломизе Е. М. Проект унии 1367 г. в контексте политики Константинопольского Патриархата на Балканах второй половины XIV в. // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3. С. 29–40*.

⁵⁰ *Флоря. Исследования по истории Церкви... С. 328–367*.

⁵¹ См. прим. 44.

⁵² Весной 1432 г. Василию II удалось получить в орде ярлык на великое княжение, но его противостояние с дядьями и затем двоюродным братом, претендовавшими на престол, продолжалось до 50-х гг. XV в.

⁵³ Папа Евгений IV даже успел направить «архиепископу Русских земель Герасиму» (*Gerasimo provincie Ruthenorum Archiepiscopo*) свою буллу, содержащую инструкции о подготовке к предстоящему процессу объединения Церквей (*Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский*. СПб., 1835. С. 26–28 [2-й пагинации]). Это является одним из подтверждений сказанного выше: в униональных планах папской курии фигура Русского митрополита играла ключевую роль.

⁵⁴ *Philippides M., Hanak W. Cardinal Isidore, c. 1390–1462: A Late Byzantine Scholar, Warlord, and Prelate*. L.; N. Y., 2018. P. 38–78.

⁵⁵ Т. е. Тевтонского ордена; в славянских грамотах Исидора его титул указывается как «архиепископ» — либо «митрополит Киевский» — «всея Руси, легатос и от ребра апостольскаго съдалища Лиатыцкаго и Литовьскаго и Немецькаго» (*Ibid.* P. 100–102).

⁵⁶ Единственного участвовавшего в соборе епископа из русских — Симеона Суздальского, который подписал акты собора по принуждению Исидора и впоследствии отрекся от своей подписи, — Исидор доставил в Москву в кандалах.

⁵⁷ Вероятно, не без ведома великого князя, который предпочел избавиться от Исидора именно таким способом. См.: *Ibid.* P. 103–104. См. также: Акишин С. Ю., Флоря Б. Н. Исидор, митрополит Киевский (1436–1443), кардинал и лат. патриарх К-польский (1459–1463) // *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 27. С. 177–182.

⁵⁸ «Приде вѣсть яко царь отъиде въ Римъ на царство и ста в Латыньскую вѣру, и пославъ пословъ възвратити воспятъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софійскія летописи. СПб., 1853. С. 167).

⁵⁹ Митрофан II, пришедший на смену умершему во время Флорентийского собора Иосифу II, скончался в 1443 г. Его преемником сделался Григорий III, который из-за неприятия унии большинством жителей Константинополя и скорее негативным отношением к ней со стороны воцарившегося в 1449 г. императора Константина XI Палеолога был вынужден покинуть город

в 1450 г. и с 1451 г. проживал в Риме в статусе титулярного латинского патриарха Константинополя.

⁶⁰ На одном из сохранившихся списков послания стоит отметка: «Посылная [Грамота]... да не пошла» (см. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссією. СПб., 1841. Т. 1 (1334–1598 гг.). С. 495). При этом в конце концов императору Константину XI все-таки пришлось заявить о себе как приверженце унии: очень рассчитывая на военную помощь с Запада, в 1452 г. он дозволил Исидору, прибывшему из Рима в качестве папского легата, совершить богослужение в храме Св. Софии с поминовением папы и изгнанного патриарха-униата Григория III.

⁶¹ Текст грамоты: Акты исторические... С. 85–86 (№42).

⁶² Тексты послания свт. Ионы патриарху Геннадию и окружного послания о милостыне греку Димитрию по случаю взятия Царьграда турками: Там же. С. 495–496 (№263–264). Дополнительным подтверждением того, что патриарх Геннадий признал каноничность митрополита в Москве, служат его собственные слова в одном из официальных ответов на вопросы деспота Сербии Георгию, где патриарх упоминает митрополию «России, которая есть Киевская и всея Руси», хотя и «пребывает в Московии», в качестве положительного примера того, что историческое наименование кафедры может сохраняться, невзирая на ее физическое перемещение (*Oeuvres completes de Gennade Scholarios / Publiées... par L. Petit, X. A. Sideridès, M. Jugie*. P., 1935. Т. IV. P. 208).

⁶³ См. комм. Б. Н. Флоры в кн.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. V / Б. Н. Флоря, научный ред. кн. V. М., 1996. С. 422–423, прим. 3* и 10*.

⁶⁴ Включая епархии бывшей Галицкой митрополии, которая тем самым окончательно ушла в прошлое.

⁶⁵ Лишь один из епископов, Евфимий Брянский, или Черниговский, сбежал в Москву и впоследствии был возведен на Суздальскую (т. е. Владимирскую) кафедру.

⁶⁶ «Егда же приде Сидоровъ ученикъ Григорей въ митрополитѣхъ въ Литовьскую землю, Андрѣю же королеви Польскому съ прошеніемъ пославшу къ своему брату къ великому державному Василию Васильевичу всея Руси, дабы къ себѣ пріаль на Рускую митрополию: зане бо Юна митрополитъ престарѣлся уже» (Полное собрание русских летописей. Т. 6. С. 169).

⁶⁷ «Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же: а Иона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа» (Там же).

⁶⁸ РИБ. Т. 6. Кол. 627–632 (№83); с посланием аналогичного содержания собор обратился и к епископам Юго-Запада (Там же. С. 631–634 (№84)). Впоследствии свт. Иона направил целый ряд подобных посланий разным адресатам (Там же. С. 635–678 (№85–90)).

⁶⁹ Вряд ли была случайностью явная поспешность патриарха Дионисия, который принял это решение меньше, чем через месяц после восхождения на кафедру. Вероятнее всего, за этим решением стояла крайне влиятельная мачеха султана по имени Мара Бранкович, знатного сербского происхождения, которую Дионисий и должен был благодарить за свое избрание и которая была по каким-то причинам заинтересована в легитимации Григория (о ней см.: *Поповић М.* Мара Бранковић: жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку. Нови Сад, 2014).

⁷⁰ Публикация сохранившегося славянского перевода грамоты: Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики / Сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. Ч. 2. С. 145–147.

⁷¹ Хотя, как показал дальнейший ход истории, разрыв этой иерархии с Римом не был вполне искренним. Фактически, основанная Григорием Болгарином иерархия хотя и пыталась сохранить православное вероучение и обрядность, но одновременно желала избавиться от неравноправного положения и гонений со стороны местных католических властей. Это заставляло ее думать о признании со стороны Римской Церкви. В частности, уже следующий после Григория Болгарина первоиерарх Литовской митрополии Мисаил после своего избрания официально обратился за утверждением не в Константинополь, а в Рим, к папе Сиксту IV (в 1476 г.). Последующие четыре митрополита обращались за утверждением в Константинополь и явных шагов в сторону Рима не делали, но пятый митрополит, Иосиф Болгаринович, хотя и получил признание из Константинополя, предпринял несколько открытых шагов в сторону возобновления унии с Римом. Живя бок о бок с католиками и получая

образование в католических учебных заведениях, православные Речи Посполитой постепенно перенимали западные подходы к богословию, а также латинские богослужебные обычаи: например, к XVII веку на Украине практиковались чины хиротесий в латинские чины аколуга (аколита), остиария и проч.; была распространена католическая практика одновременного рукоположения многих диаконов и священников за одной и той же литургией; и т. д. В течение XVI в. среди духовенства и мирян Литовской митрополии постепенно набирала силу пропаганда открытой унии, так что к концу этого столетия уния действительно состоялась и увлекла за собой значительную часть духовенства и мирян. В униатской историографии часто встречается утверждение, что переход епископата Киевской митрополии в унию в 1596 г. был связан с нежеланием подчиниться власти Московского Патриархата, учрежденного в 1589 г. Это утверждение не подтверждается содержанием сохранившейся переписки деятелей будущей униатской Церкви, а ход предшествовавшего унии исторического процесса свидетельствует о том, что семена унии упали в благодатную почву задолго до ее заключения. С образованием в 1596 г. Русской униатской Церкви (*Ecclesia Ruthenica unita*) иерархия, берущая начало от Григория Болгарина, по сути, вернулась к своим истокам (первоначально в унию планировал перейти вообще весь (!) епископат Литовской митрополии, и лишь в последний момент князь К. К. Острожский нашел аргументы, чтобы убедить двух епископов, Львовского Гедеона и Перемышльского Михаила, отвергнуть унию). Поэтому решение патриарха Дионисия следует оценивать не только в свете ситуации на момент его принятия, но и в свете его долгосрочных последствий.

⁷² Московский великий князь Иоанн III запретил впускать в московские пределы послов Григория Болгарина и Константинопольского патриарха (РИБ. Т. 6. Стб. 707–712 (№100)).

⁷³ Иван III сформулировал решение о разрыве отношений следующим образом: «Не требую его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, имѣемъ его отъ себя, самого того патрєарха, чюжа и отречена» (Там же. Стб. 711).

⁷⁴ РГАДА. ф. 52, оп. 2., ед. хр. 10.

⁷⁵ О степени неприятия ярко свидетельствует решение Московского собора 1620 г. во главе с патриархом Филаретом о полном погружательном Крещении тех православных, приходящих из Западнорусской митрополии, кого крестили через обливание (Миропомазание при этом не повторялось; крещеных же униатами и крестили, и миропомазывали). Соответствующий документ, Соборное изложение 1621 г., вошел в состав ряда изданий Потребника с 1623 по 1651 гг. Были прецеденты подобного «докрещивания» лиц в священном сане, которых затем также перерукополагали.

⁷⁶ Флоря Б. Н. Новые данные о начале контактов Киевского митрополита Иова (Борецкого) с Россией // Вестник церковной истории. 2011. № 3-4. С. 225–232.

⁷⁷ Архивъ Юго-Западной Россіи... Ч. 1. Т. VI. К., 1883. С. 542–543.

⁷⁸ Крыловскій А. Львовское ставропигіальное братство (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). К., 1904. С. 79 [2-й паг.] (Прилож. XXXVI).

⁷⁹ Главным итогом выступления Богдана Хмельницкого стали решения Земского собора в Москве (октябрь 1653 г.) — о принятии Войска Запорожского в российское подданство, и казацкой Рады в Переяславле (январь 1654 г.) — об объединении территории Войска Запорожского с Русским царством и присяге казаков русскому царю. Эти решения, в свою очередь, привели к русско-польской войне 1654–1667 г., в первые месяцы которой в состав Московского царства были возвращены Смоленск (после чего униатская Смоленская архиепископия, учрежденная в 1626 г., была упразднена, а в 1659 г. была восстановлена Смоленская епархия в составе Московского Патриархата) и ряд других территорий, захваченных Речью Посполитой в Смутное время. Вскоре война вскрыла внутренние противоречия в среде казачества, которое с 1663 г. разделилось на лево- и правобережное. Война завершилась Андрусовским перемирием 1667 г., по которому России отходили, прежде всего, Левобережная Украина (за которую Россия выплатила полякам большую денежную компенсацию) и Смоленск, а также, сроком на два года, Киев. Речи Посполитой, в свою очередь, возвращалась Правобережная Украина. Правобережное казачество во главе

с гетманом Петром Дорошенко, недовольное условиями перемирия, в 1669 созвало раду, на которой было решено перейти под власть Османской империи; в 1672 г. состоялось турецкое вторжение на Правобережье и был заключен Бучачский мир, по которому Подолье отходило Турции, большая часть Правобережной Украины под руководством П. Дорошенко становилась османским протекторатом, а Речь Посполитая обязывалась платить османам контрибуцию. Условия мира были неприемлемы и вскоре началась польско-турецкая война, по итогам которой был заключен Журавенский договор 1676 г., отличавшийся от Бучачского, по большому счету, лишь отсутствием контрибуции. В том же году Дорошенко присягнул русскому правительству и покинул Правобережье, а в 1678 г. его столица — Чигирин — была разрушена. В 1686 г. Русское царство и Речь Посполитая подписали вечный мир, по которому Киев переходил в состав Русского царства уже навсегда (вновь с выплатой большой денежной компенсации), после чего русские войска вступили в войну с Османской империей и Крымским ханством на стороне Речи Посполитой, закончившуюся для последней возвращением в ее состав Подолья и других частей Правобережной Украины, утвержденным Карловицким миром 1699 г.

⁸⁰ О нем см.: Флоря Б. Н. Дионисий (Балабан-Тукальский) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 282–284.

⁸¹ Полное собрание законовъ Россійской имперіи. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 494.

⁸² Т. е. Могилёвскую.

⁸³ О нем см.: Флоря Б. Н. Иосиф (Нелюбович-Тукальский) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 638–645.

⁸⁴ О нем см.: Флоря Б. Н. Антоний (Винницкий) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 624–625.

⁸⁵ Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссією. СПб., 1853. Т. 5: 1633–1699. С. 114–116 (№71).

⁸⁶ Он был схвачен казаками Дорошенко, лишен Иосифом сана, но сумел бежать в Киев, был доставлен в Москву, где сначала арестован и в конце концов помещен на жительство в Новоспасский монастырь, где и скончался.

⁸⁷ О нем см.: Пидгайко В. Г., Скочилас И. Я. Иосиф (Шумлянский) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 682–694.

⁸⁸ Архивъ Юго-Западной Россіи... Ч. 1. Т. V. К., 1872. С. 88 (№XIX).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 106. Этот вариант послания (Там же. С. 104–111 (№XXIV)) по решению властей было решено в итоге не отправлять, но он был обнародован в сборнике «Икона». В отправленном Константинопольскому патриарху варианте послания (Там же. С. 112–115 (№XXV)) историко-каноническая тема затронута предельно лаконично: «В Россіи изначала пріятія православныя вѣры бѣше оная (Киевская кафедра.— *свящ. М. Ж.*) Всероссійскаго нашего престола» (Там же. С. 115), но в выданной послан инструкции было велено изложить остальные аргументы устно в случае возникновения дискуссии (РГАДА, ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 236–238 об.).

⁹¹ Подробнее см. статью Б. Н. Флори, К. А. Кочегарова, Н. П. Чесноковой и М. Р. Яфаровой «Киевская митрополия, Московский Патриархат и Константинопольский Патриархат в 1676–1686 годах» в составе готовящегося к выходу сборника документов по церковной политике Москвы и Киева в 1670-х–1680-х гг.

⁹² Вернее, это разделение перешло на качественно иной уровень, так как Украинская греко-католическая Церковь — прямая наследница Русской униатской Церкви (и, следовательно, митрополии Григория Болгарина) — существует донныне; другие серьезнейшие проблемы для единства Русской Церкви составляют старообрядческий раскол, возникший во время патриаршества Никона, и автокефалистские движения на Украине в XX в., получившие непрямую (а с 2018 г. — уже и прямую) поддержку со стороны Константинопольской Патриархии.

⁹³ Единственное исключение составляет небольшая Галицкая митрополия, существование которой было дважды одобрено Константинополем, но епархии которой оба раза в конце концов снова возвращались в состав единой Русской Церкви.

⁹⁴ См. прим. 11.

⁹⁵ См. прим. 13.

⁹⁶ РИБ. Т. 6. Кол. 79–84 (№5).

⁹⁷ Оригинальный греческий текст послания не издан, но сохранился в ряде рукописей (*Laurent. Les registes ... de 1208 à*

1309. P. 65–66 (№1257)), по одной из которых — Vatican. gr. 1409, fol. 260–261 (у Лорана указаны ошибочные номера листов: 360–361) — мы его и цитируем.

⁹⁸ *Dölger F. Regesten der Kaiserkunden des Oströmischen Reiches. Teil 5: Regesten von 1341–1453. München, 1965. S. 16 (№2925).*

⁹⁹ Тексты соборного деяния и всех перечисленных грамот, с немецким переводом и комментариями, изданы в книге: *Hunger H., Kresten O., Kislinger E., Cupane C. Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Teil 2: Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1337–1350. W., 1995 (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XIX/2). S. 468–501 (№167–171).*

¹⁰⁰ Этим патриархом был Иоанн XIV Калека, который вошел в историю еще и как борец с учением свт. Григория Паламы.

¹⁰¹ Это выражение повторяется в двух из трех императорских грамот: *Ibid. S. 471–472 (№167: 8–9); 484 (№169: 15–16).* В третьей из грамот император обвиняет бывшего патриарха не в злом умысле, а в безрассудности: *ὁ χρηματίσας πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως διὰ τὰς τοιαύτας αὐτοῦ παραλογίας (Ibid. S. 478 (№168: 19–20); ср. 484 (№169: 16–17)).*

¹⁰² *Ibid. S. 478 (№168: 21), 484 (№169: 17).*

¹⁰³ *Ibid. S. 472 (№167: 13).*

¹⁰⁴ *Ibid. S. 492 (№179: 49–50).*

¹⁰⁵ *Ibid. S. 490 (№179: 11–12).*

¹⁰⁶ Имеются в виду разорение Киева монголами и политическая нестабильность.

¹⁰⁷ *Koder, Hinterberger, Kresten. Das Register... Teil 3. S. 136 (№196: 51–64).* Спустя столетие каноничность перемещения кафедры митрополитов Киевских и всея Руси в Москву была подтверждена патриархом Геннадием Схоларием (см. прим. 62).

¹⁰⁸ *Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. VII: Les registes de 1410 à 1453. P., 1991. P. 11 (№ 3302).* Грамота сохранилась только в славянском переводе.

¹⁰⁹ РИБ. Т. 6. Кол. 359–360.

¹¹⁰ РГАДА, ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 360 об.

¹¹¹ Выходные данные см. в прим. 70.

¹¹² Что, как мы видели выше, не было правдой: еще до поставления на Русь будущего отступника Исидора свт. Иона имел

статус «нареченного митрополита»; Константинопольский патриарх указал свт. Ионе, что именно он займет митрополичий престол, если с Исидором что-то произойдет (очевидно, переход в католичество подпадает под такой случай); уже после поставления свт. Ионы митрополитом на Русь прибыл посланник Константинопольского патриарха Геннадия по имени Дмитрий, собиравший по русским городам денежные средства под предлогом необходимости выкупить из турецкого плена взятых в плен православных византийцев (Акты исторические... С. 496 (№264)).

¹¹⁵ Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1. С. 339 (№3).

¹¹⁴ Фонкич Б. Л. Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Там же. С. 381–388.

¹¹⁵ Там же. С. 268–273 (№129).

¹¹⁶ Уложенная грамота была создана в Москве, а не в Константинополе, без созыва собора архиереев Константинопольской Церкви; грамота 1590 г., как показывает графологический анализ, содержит большой процент поддельных подписей (хотя это еще не делает ее поддельной — как показало исследование, подписи подделывались чиновниками Константинопольской Патриархии ради как можно более скорого издания грамоты: Фонкич Б. Л. Из истории учреждения патриаршества в России: Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 377–384). Соборное же деяние 1593 г. составлено безупречно.

¹¹⁷ Отсутствовавший на соборе Антиохийский патриарх передал свой голос Александрийскому.

¹¹⁸ Фонкич Б. Л. Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского Патриархата // Он же. Греческие документы... С. 385–399, здесь с. 395.

¹¹⁹ См.: Страхова О. Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // Palaeoslavica. Cambridge (MA), 2007. Т. XV/2. Р. 117–206.

¹²⁰ См.: Грамота Константинопольского патриарха Паисия I къ Московскому патриарху Никону // Христианское чтение. СПб.,

1881. №3–4. С. 303–353; №5–6. С. 539–595.

¹²¹ Первая сохранилась в оригинале (РГАДА, ф. 52. Оп. 2. Ед. хр. 669), третья и четвертая — в копии, сделанной в нач. XVIII в., но верифицируемой по славянскому переводу, выполненному непосредственно с оригинала, впоследствии утраченного при пожаре (см.: Ченцова В. Г. Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2017. №2 (68). С. 89–110), вторая — только в переводе.

¹²² См.: Архивъ Юго-Западной Россіи... Ч. 1. Т. V. С. 166–189 (№XXIX–XLVI).

¹²³ См.: *Vetochnikov K. La «concession» de la metropole de Kiev au patriarche de Moscou en 1686: Analyse canonique // 23rd International Congress of Byzantine Studies (Belgrade, 22–27 August 2016): Round Table «Les frontières et les limites du Patriarcat de Constantinople». Abstracts. Belgrade, 2016. P. 37–41.*

¹²⁴ Ibid. P. 39–40.

¹²⁵ *Κριαράς Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας, 1100–1669. Θεσσαλονίκη, 1969. Τ. 1. Σ. 81.*

¹²⁶ Там же. 2012. Т. 18. Σ. 54–55. В статье *Vetochnikov. La «concession»...* Р. 39 дополнительно утверждается, что термин *προεστὼς* «в официальных церковных документах используется только в монашеском контексте» («dans les documents ecclésiastiques officiels, n'est utilisé que pour le monachisme»). Однако «в монашеском контексте» этот термин может означать только и исключительно «игумена», а никак не «духовного отца», тогда как в рассматриваемом *официальном документе* понятие «игумен» явно не подходит по контексту, что означает, что автор упомянутой статьи заблуждается — и вводит в заблуждение других.

¹²⁷ ἐνχειρίσει τῷ ἁγίῳ ἀποστόλῳ καὶ εὐαγγελιστῇ Μάρκῳ, ὅφ' οὗ ὁ αὐτῆς προεστὼς εἰς τάξιν καὶ τιμὴν ἀνήχθη πατριάρχου (Послание патриарха Петра Антиохийского архиепископу Аквилеи, PG. 120. Col. 757); Ὁ δὲ γε μετ' αὐτὸν Βασίλειος βασιλεύσας, ὃ τ ε τῆς ἐκκλησίας προεστὼς πατριάρχης τὸν Νικόλαον προσκαλοῦνται (Житие св. Евареста: *Vorst Ch., van de. La Vie de S. Evariste, higoumene a Constantinople // Analecta Bollandiana. Bruxelles; Paris, 1923. Т. 41. Р. 288–325*); и т. д.

¹²⁸ Здесь будет излишним заметить, что и термин γέρον — не так прост. В современном церковном узусе он означает, прежде всего, «старца» в смысле опытного монаха-духовника. Но, например, в XVIII веке таким титулом наделяли ключевых митрополитов Константинопольской Патриархии, имевших право участвовать в выборах патриарха. Значение иерархического старшинства в диптихах данный титул и ныне имеет в Константинопольской Церкви.

¹²⁹ Архивъ Юго-Западной Россіи... Ч. 1. Т. V. С. 126–186 (№XXXIII–XXXIV).

¹³⁰ ἡ Μητρόπολις αὐτῆς Κιόβου ἔστω ὑλοκειμένη ὑπὸ τὸν Ἁγιώτατον Πατριάρχικὸν τῆς Μοσχολίας θρόνον, καὶ οἱ ἐν αὐτῇ ἀρχιερατεύοντες, ὃ τε ἤδη καὶ οἱ μετὰ τοῦτον, γινώσκωσι γέροντα καὶ προεστῶτα αὐτὸν τὸν κατὰ καιροῦς Πατριάρχην Μοσχολίας ὡς ὑπ’ αὐτοῦ χειροτονούμενοι, **ἐνὸς μόνου φυλαττομένου**... — Киевская эта митрополия да будет подчинена Святейшему Московскому патриаршему престолу, и архиереи ее, как нынешние, так и последующие, да почитают Патриарха Московского, который будет на данное время [править], как старшего и предстоятеля, поскольку они от него рукополагаются, **сохраняя лишь одно...** (из грамоты патриарха Дионисия царям).

¹³¹ Патриарх Дионисий в своей грамоте царям мотивирует свою просьбу о поминонии Константинопольского патриарха Киевским митрополитом отнюдь не тем, что Киевский митрополит остается в его юрисдикции, а тем, что от Вселенского патриарха якобы «раздаются все блага всем концам вселенной» (ἐξ αὐτοῦ πάντα τὰ ἀγαθὰ εἰς τὰ τῆς οἰκουμένης πέρατα διαδιδόμενα). Это, вероятно, следует понимать как призыв сохранять единство Православной Церкви во всем мире, поскольку иные интерпретации подозрительно напоминали бы папский догмат.

¹³² В московском издании Служебника 1667 г. к этому добавилось еще и гласное поминование всех патриархов на евхаристической молитве, произносимое диаконом в качестве диптиха (подчеркнем, что речь идет не об архиерейском, а о стандартном тексте литургии, предназначенном для использования во всех храмах Русской Церкви), что воспроизведено и в изданиях 1668 и 1670 гг. Лишь в издании 1676 г. диаконский диптих в священ-

ническом формуляре литургии был упрощен — в развернутой форме его решено было сохранить как принадлежность исключительно архиерейской службы, — а в синодальную эпоху исключен оттуда. Однако поминование восточных патриархов на проскомидии сохранилось; более того, оно сохраняется в русском Служебнике вплоть до настоящего времени (!), но в обобщенной форме: после осознания того факта, что рядовое духовенство не в состоянии регулярно обновлять информацию об актуальных именах часто сменяющихся (в том числе по прихоти османских властей) патриархов, поименное поминование было заменено обобщенным.

¹³³ Сохранился в рукописях ГИМ. Син. 310, нач. XVI в.; БАН. Новг. 918, XVI в.

¹³⁴ Можно указать еще и на особенное право Киевского митрополита, согласно современной практике: произносить «великую похвалу», то есть ряд многолетий перед литургийным Трисвятым, в «патриаршей» редакции — с возглашением имен и титулов предстоятелей всех Поместных Церквей, по диптиху.

¹³⁵ Первое подобное заявление было сделано только в XX в. патриархом Константинопольским Григорием VII (Зервудакисом), который в томосе 13 ноября 1924 г. о предоставлении автокефалии Польской Православной Церкви (т. е. группе епархий бывшей Российской Церкви) декларативно объявил, что подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху состоялось якобы «не по предписаниям канонических правил», поскольку не была соблюдена «полная церковная автономия Киевского митрополита» (никак не вытекающая из подлинных документов 1686 г.).

¹³⁶ См.: Кантевер Н. [Θ.] Σνοσηνία Ιερουσαλιμσκαго πατριάρχα Δοσιθεя съ Русскимъ правительствомъ (1669–1707 г.). М., 1891.

¹³⁷ РГИА, ф. 796. Оп. 56, д. 575. Л. 18.

¹³⁸ См.: Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Царствованіе Государыни императрицы Екатерины Второй. Пг., 1915. Т. II: 1773–1784. С. 159–160 (№835).